Инициация

Автор:
Лэрд Баррон

Инициация

Лэрд Баррон

Мастера ужасов

Геолог Дональд Мельник прожил замечательную жизнь. Он уважаем в научном сообществе, его жена – блестящий антрополог, а у детей прекрасное будущее. Но воспоминания о полузабытом инциденте в Мексике всё больше тревожат Дональда, ведь ему кажется, что тогда с ним случилось нечто ужасное, связанное с легендарным племенем, поиски которого чуть не стоили его жене карьеры. С тех самых пор Дональд смертельно боится темноты. Пытаясь выяснить правду, он постепенно понимает, что и супруга, и дети скрывают какую-то тайну, а столь тщательно выстроенная им жизнь разрушается прямо на глазах. Дональд еще не знает, что в своих поисках столкнется с подлинным ужасом воистину космических масштабов, а тот давний случай в Мексике – лишь первый из целой череды событий, ставящих под сомнение незыблемость самой реальности вокруг.

Лэрд Баррон

Инициация

Laird Barron

The croning

© 2012 by Laird Barron

© Ирина Комиссарова, перевод, 2016

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017 © ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается Оксане, Джулиану и Квинну

Благодарности

Выражаю признательность тем, благодаря кому эта книга стала возможной: Эми, Марти, Джейсону, Джереми, Россу и всему персоналу «Найт Шейд Букз»; моим агентам Брендану Денину, Коллин Линдси, Хэзер Эванс и Питеру Руби; Мэтту Джаффе; Джоди Роуз; Джей-Ди и Ларе Бушам; Лэрри Робертсу и Эллен Датлоу.

Особая благодарность моим верным товарищам Афине, Горацио, Улиссу и Персефоне и моим друзьям – они знают, кого я имею в виду.

Дополнительная особая благодарность Джейсону и Хармони Бэрронам и семье Лэнганов – Джону, Фионе и Дэвиду. Я люблю вас, ребята.

Глава первая

В поисках мистера Р.

(Стародавние времена)

1

У популярной версии старинной сказки о дочери Мельника и Карлике, который помог ей спрясть из соломы золото, счастливый конец. Чего не скажешь о реальных событиях, которые легли в основу легенды.

Шпион, сын Мельника, отправился в Западные горы с опасной миссией. Наезженные телегами колеи и звериные тропы, которыми он следовал, извивались и петляли по непроглядным чащам, полным грабителей и разных хищников. В те времена такие опасности поджидали путешественников в большинстве уголков мира. Он шел пешком в сопровождении старого мастифа, верная служба которого не раз выручала его в трудный час. При себе у него были кинжал, мех с водой, несколько монет в потрепанном кошельке и крохотное распятие на шее. Ничего, помимо этих немудреных пожитков и огня в сердце, горевшего во имя Королевы. Преданность ей вела его сквозь заросли терновника и зыбучие пески, через горные осыпи и речные пороги. Она дарила ему покой темными-темными ночами в разбитом у дороги лагере, когда он делил свой плащ с собакой у затухающего костра под волчий вой, долетавший из леса. Сияли звезды, холодные, как камень, холодные, как заснеженные вершины, которые с каждым днем становились все ближе.

Он думал о своей сестре, Королеве: у них был общий отец, Мельник, и разные матери. Титул Королева заполучила, убедив старого Короля, что она владеет тайнами алхимии и может прясть из соломы золото, и наврав еще с три короба. Шпион не знал наверняка, какие именно карты разыграла его очаровательная сестрица, когда на кону стояло так много. Но, несмотря на все ее недостатки, на то, какой жестокой она иногда бывала, он все равно любил ее.

Шпион, однако, очень хорошо знал, что, хоть у Сестры и был поистине золотой язычок, когда дело доходило до орального секса и подобных манипуляций, никаким алхимиком она и в помине не была. По этой причине, когда старый Король, назвав ее обманщицей, заточил в подземелье, где была только кучка соломы на полу, и дал сроку до рассвета, Шпион, в ту пору скромный конюший, готов был голову дать на отсечение, что именно отсечением головы дело и кончится – к полудню следующего дня. Он отослал в чистку лучший из своих крестьянских черных костюмов и нарвал букет белых роз для бедной могилки.

Вообразите всеобщее изумление, когда через двенадцать часов сестра вышла из своей темницы с несколькими корзинами золотой пряжи и нацарапанной на пергаменте формулой для повторения процесса в феноменально редких астрологических условиях. Несмотря на ее самодовольную улыбку и застенчивое хлопанье ресницами, Шпион почувствовал ее страх.

За три года, миновавшие после этого, она сочеталась браком с Наследным Принцем, устроив пышную церемонию, на которой присутствовала добрая половина жителей соседних королевств; провела роскошный медовый месяц; пережила отречение старого Короля и свое последующее возвышение до Королевы, а супруга – до консорта; давала грандиозные, экстравагантнейшие балы и приемы; перенесла идиллическую беременность; и все эти три года только Шпион замечал черное облако тоски, сгущавшееся вокруг нее по мере приближения надвигающейся бури. Только он обращал внимание на воронов, сидящих на ветвях ивы в ее любимом саду.

Несмотря на жестокий характер и врожденный талант к махинациям и козням, он стал Шпионом исключительно благодаря щедрости сестры. Отца она вознаградила загородным поместьем, куда он смог удалиться на покой, а брата – постом в придворной тайной канцелярии. Министерстве заплечных дел, как окрестили ведомство некоторые остряки.

Недавний конюший был счастлив избавиться от прежней работы. Никаких больше старых кляч, норовящих лягнуть в ответ на попытку их подковать, никакого копания в навозе, никакой беготни за водой для раздражительного шталмейстера. Конец перепихонам по закоулкам с дюжими кузнецовыми дочками и бородавчатыми каргами (по крайней мере, так он думал)! Настала очередь сюртуков, шляп с перьями и великосветских цыпочек – отныне и до гробовой доски.

Какое-то время так все и было. До тех пор пока Королева не забеременела, а по дворцу не зашмыгал гнусный Карлик…

Однажды во время игры в поло Шпион заметил, что Королева не отрывает глаз от одетого в рясу Карлика, шныряющего возле зрительских скамей. Мерзкое создание – за долгие годы, растраченные впустую на убогих городских улицах, проведенные среди прокаженных, нищих и искалеченных в иностранных кампаниях ветеранов, Шпион научился разбираться в мерзостях. В захудалых переулках и в борделях он перевидал немало побитых оспой, обезображенных

врожденными дефектами, проклятых богом искореженных карикатур на человека. Но Карлик – с его горбом и струпьями, взирающий на мир сквозь булавочные отверстия глаз и ухмыляющийся, словно злобный мясник или коронер, который любит свою работу из самых гнусных соображений, – представлял собой нечто поистине особенное. Шпион предположил, что перед ним либо попрошайка, либо актеришка, бродячий скоморох. Но тут Карлик лукаво подмигнул Королеве, разглядывая ее ставший уже внушительным живот, и Шпион почуял недоброе.

Вечером он выудил ее из свиты фрейлин и чванливых лакеев и привел в сад под ветви плакучей ивы. Он сразу приступил к делу и спросил, не шантажируют ли ее из-за того, что исполненный мужеских сил молодой Король, который настрогал сотни бастардов, пока разгонял скуку в ожидании престола, по иронии судьбы, не является отцом ее ребенка.

– Ты говорила кому-нибудь, что он мой? – спросил Шпион, слишком крепко сжимая ее маленькую холодную руку.

– Я не так глупа, – произнесла она таким тоном, что стало понятно: его-то она как раз и считает глупым. – Я предпочитаю сохранить голову на плечах, а не на стене кабинета моего любящего супруга.

– В таком случае, кто этот пигмей, на кого он работает и чего хочет?

– Карлик никогда не называл себя. Он служитель ада.

– Звучит не очень обнадеживающе, – заметил Шпион. – Этот сучий потрох протащил для тебя золото в темницу и теперь ждет королевской благодарности, так? Кровь господня, дорогая. Если это касается политики, то у тебя проблемы.

– Ему не нужно политическое покровительство.

– Вот как. Ни карт, ни военных передислокаций, ни новых назначений?

– Ничего такого.

– Твоя сладкая задница?

– Эти королевские лакомства его не прельщают.

– Ну, ё-моё. Дерьмо собачье. Мать твою. Чего же он в таком случае добивается?

– Это Карлик сделал золотую пряжу, а не я. Он пришел за наградой.

– Так что же ты наобещала, любезная сестричка?

Она усмехнулась – в точности как скалится лисица, угодившая в ловушку, – и рассказала ему, какой заключила пакт, чтобы заполнить золотой нитью те легендарные корзины и тем самым вытащить семью из нищеты. То, чего Шпион больше всего боялся: сестра, ублажающая в постели урода-Карлика, – не подтвердилось. Нет, дело обстояло намного хуже.

2

Через несколько ночей после рождения Принца во дворец сквозняком надуло Карлика, а потом сдуло восвояси несолоно хлебавши. Отсрочка, однако, была дана недолгая. Он пообещал вернуться через три месяца и ни минутой позже, чтобы получить свою плату – нежное дитя, которое сейчас прижималось к лилейной груди Королевы. Впрочем, при условии, что если до истечения означенного срока Королевушке удастся узнать имя Карлика, то гнусный пакт будет расторгнут, и все сядут пить чай с плюшками.

Ага, держи карман шире.

Шпион узнал об этом на следующее утро, когда его пригласили в кабинет Королевы вместе с еще несколькими представителями лучших людей ее величества. На брифинге она была любезна и немногословна, и Шпион заключил, что из всего кадрового состава он единственный, кто осведомлен об истинной неприглядной подоплеке миссии. Впрочем, он сомневался, что и он располагает всей правдой. Учитывая, что сестрица – еще та хитрая стерва.

Королева велела им идти на все четыре стороны. У них было семьдесят дней, чтобы разузнать имя Карлика, иначе беды не миновать. В случае, если кому-то

посчастливится встретить самого коротконогого ублюдка и ткнуть ножом ему под ребра, так будет даже лучше.

Как и следовало ожидать, исполненные патриотического рвения молодцы вспрыгнули на своих верных скакунов и ринулись кто куда, стремясь поскорее начать поиски. Будучи лучшим из лучших, Шпион действовал не по шаблону, что дало ему нужную зацепку, которая заставила его пройти все королевство, добраться до гор, а затем и до темных земель за ними.

Он провел даже больше, чем обычно, времени в тавернах и монастырях. Он скрашивал выпивкой досуг бейлифов, щупал одиноких судомоек, поколачивал торговцев и сутенеров. Поджаривал левую ногу некоего конюшего над костром. Конюших Шпион презирал со всей страстью. Он использовал подкуп, шантаж и лесть. По крайней мере было весело, даже если толку и немного.

Все знали о Карлике, но никто не знал, как его зовут и откуда он взялся. Он был тенью, трепещущей на границе реальности. Слухов было хоть отбавляй: уверяли, что он наемный убийца на службе у вражеского государства; последний отпрыск разорившегося благородного рода, вынужденный заниматься попрошайничеством и проституцией; колдун, потомок чернокнижника из Саламанкской седмерицы, заключающий сделки с демоническими силами и живущий намного дольше, чем обычные смертные; дьявол, инкуб, изношенная человеческая оболочка одного из Древних; Змий. Одна полусгнившая от сифилиса куртизанка уверяла, что Карлик состоит в сговоре с червями и самим Повелителем Червей. В подробности она не вдавалась.

Упоминая о встречах с Карликом, рассказчики делали знак для отвода порчи и сплевывали или хватались за свои распятия. Здоровенная подавальщица, по совместительству гулящая девка, обслуживавшая толстосумов в окрестностях Высокого рынка, клялась, что Карлик ведет дружбу с торговыми королями, обучая их секретам черной магии в обмен на самые отвратительные услуги. Она видела, как он снял нижнюю челюсть, чтобы заглотить кричащего ребенка, которого заполучил у какой-то потаскухи в качестве компенсации за услугу, оказанную некоему бюргеру. Подавальщица отсыпалась после оргии. Никто из участников преступления не знал, что она лежит за горой подушек по другую сторону декоративной ширмы, наблюдая финал ужасной сделки. Рассказчица была молода, но ее когда-то рыжие волосы успели поседеть, как горный снег, – якобы из-за того, что она своими глазами видела это жуткое убийство.

Шпион вежливо кивал, не веря ни единому слову. Тем не менее он уделил должное внимание упомянутому в рассказе торговцу – бюргеру, некогда жителю Константинополя по имени Теополис, который специализировался на антиквариате и обитал в шикарном особняке в наветренной стороне города. Наведенные без лишнего шума справки подтвердили, что Теополис был не более коварен и беспринципен, чем любой другой из сотни торговцев; не более и не менее извращен и продажен, не более и не менее экзотичен в наклонностях.

Отчаянно нуждаясь хоть в какой-то зацепке, Шпион проник в особняк, пока хозяин с большей частью слуг пьянствовал и развлекался со шлюхами в городе. Все выглядело вполне благопристойно. Дом был роскошно обставлен в разных стилях, как приличествовало человеку со средствами Теополиса; несколько со вкусом оформленных томов эротического содержания, несколько провокационных статуэток, соблазнительный портрет ню какой-то давно почившей дивы. Возможно, можно было поставить под сомнение легальность кое-каких из предметов брони, примеченных в зале, или мешочка-другого специй в ящике прикроватного столика, но точно не было ничего зловещего или способного навести на след проклятого Карлика.

Вылезая из окна, Шпион заколебался, затем вернулся, чтобы проверить книжный шкаф в кабинете хозяина, и – опля! – обнаружил хитро замаскированный рычаг. Тесная комната с кирпичными стенами, скрытая за шкафом, была оборудована кандалами, оковами и загадочными орудиями пыток. В свете Шпионовой свечи заблестели ониксовые плиты пола. На полу красовалась глубокая гравировка в виде скелета змеи, загнутого буквой «С». По поводу змеи, впрочем, полной уверенности не было: это мог быть и червь. В любом случае, вид все это имело нездоровый. В бамбуковой корзине, крышку которой тоже украшал оккультный символ, обнаружились детские кости. По количеству разрозненных сегментов Шпион насчитал девять или десять младенцев и малышей постарше.

Похоже, у него появился кандидат в победители.

Этой же ночью он извлек пьяного торговца из постели и устроил допрос в винном погребе. Все, что удалось вытрясти из Теополиса, – так это то, что Карлик принадлежал какому-то могущественному роду, обитающему где-то в Западных горах. В дополнение купец предсказал Шпиону, что в конце пути того ожидает нечто пострашнее смерти. Шпион поблагодарил избитого и окровавленного Теополиса за информацию и сбросил его в мешке, набитом

камнями, с моста у Лебединых ворот. Пузыри еще продолжали всплывать и лопаться, а Шпион уже выдвинулся из города по Западной дороге.

Так завершился первый месяц.

3

Их с псом путь пролегал сначала по трактам, потом по дорогам, потом по дорожкам и наконец по тропинкам, которые то и дело терялись в траве, выныривая через несколько лиг. Города сменялись городишками, деревнями, деревеньками и поселками, отстоящими все дальше и дальше друг от друга, а затем можно было набрести разве что на одинокую хижину лесоруба в глубине непролазной чащи. Собратья-путешественники попадались на глаза редко. Это было одинокое странствие.

После долгих мытарств Шпион достиг захолустной долины, населенной хмурым, дочерна загорелым мужичьем, занятым разведением коз и овец и выращиванием свеклы и редьки. Царство заготовки торфа и сжигания кизяка. Местечко из разряда тех, до каких нет дела королевскому двору и обычно даруемых какому-нибудь мелкотравчатому аристократу-голодранцу в качестве утешительного приза.

Местность была по большей части дикая, если не считать примитивных крестьянских делянок и неогороженных пажитей. Сосновые рощи перемежались каменистыми пастбищами и пригорками. С ледника, покрытого запекшимися разводами черной пыли, с грохотом катилась река. Дальний край долины переходил в верховую болотную пустошь, где бродили волки и высились руины древних крепостей и побитые дождями и ветрами груды камней, воздвигнутые побежденными варварскими племенами. Суровый, унылый пейзаж, который разбередил все тревоги Шпиона, но одновременно взбудоражил его надеждой обнаружить именно здесь логово злодея, на которого он охотился.

Он сразу же напал на золотую жилу.

Седобородому фермеру доводилось видеть Карлика в соседней деревне. Имя? Да кто его знает? Люди звали его Карликом. Он жил высоко в пещере и спускался в долину за припасами пару раз в год по праздникам и тогда напивался допьяна, пускался в пляс с хорошенькими девицами, если те оказывались недостаточно шустры, чтобы вовремя выскользнуть из его похотливых объятий, и пугал детей (а больше матерей) душераздирающими историями о сексуальных извращениях фейри и разных чудищ. Промышлял он ювелирным делом и охотой на волков. В глубине души фермер подозревал, что Карлик – профессиональный кладбищенский вор, тягающий большую часть своих побрякушек из руин на болоте.

Так или иначе, редкая образина этот малый, да и зажился уже на этом свете.

– Зажился? – переспросил Шпион.

– Вестимо так. Когда я его повстречал впервой, я был от горшка два вершка. Видел его снова не далее как прошлой весной. Скакал по Болотной дороге с мешком за горбом. Поди, козленка тащил… Мешок-то трепыхался дюже крепко.

Фермер предложил Шпиону переночевать в своем амбаре, поскольку в деревне хватало нечестивых людей, и богобоязненному христианину там было не место. На просьбы привести пример нечестивости он только сплюнул, сделал знак против порчи и бормотнул что-то в бороду. На прощание он посоветовал Шпиону остерегаться Карлика. «Держись-ка ты подале от него с его маленькими дружками. Худой тебя ждет конец, ежели будешь вынюхивать про евонные дела».

Эту песенку Шпион уже слышал. Вслух же он поинтересовался, о каких маленьких дружках шла речь.

– Сам-то я их не видывал, только слыхивал. Убогие да увечные. Есть среди них такие, у кого нет ни рук ни ног – вот что я слыхивал. Только ползти за ним и могут, вот так-то. Туды-сюды по грязи, как треклятые черви.

– Он обзавелся свитой из безруких, – произнес Шпион, вздымая брови к полям треуголки. – Или безногих. Которая следует за ним повсюду.

– Кто безрукий, а кто и с руками. Кто безногий, кто с ногами. А у кого и ничего нет. Так вот я слыхал.

Фермер пожал плечами, снова сделал охранный знак и дальше тему развивать отказался.

Шпион с трудом дотащил ноги до деревни и снял комнату в грязной гостинице. В качестве легенды для прикрытия он объявил себя отставным солдатом, направляющимся через все королевство к своему дому недалеко от границы. Он назвался старателем и обронил, что может задержаться на неделю-другую, чтобы исследовать холмы на предмет месторождений золота и серебра. Ни один из овцеводов и козопасов, вваливавшихся в гостиницу выпить пинту грога после целого дня, проведенного среди вересковых зарослей, и ухом не повел.

Шпион прихватил с собой в постель пару служанок, которые были приятно впечатлены его наружностью, а еще более отсутствием запаха навоза и наличием монет в кармане. Обе видели Карлика не далее как месяц назад. Обе испытали ужас и отвращение при взгляде на него, хотя он не сделал ничего такого, что могло бы их обидеть. Да, они слышали о его братии увечных, которые, как считалось, скрывались в горной пещере, кроме тех редких случаев, когда они сопровождали его в вылазках на болота. Слухи, которыми поделились девахи, не содержали ничего примечательного. За исключением одного – по сообщениям некоторых старых матрон, Карлик и его братия рубили младенцев на фарш, и пол их пещеры устилали кости нескольких поколений погибших малюток. Когда-нибудь эти людоеды дождутся давно причитающегося им шествия с вилами и факелами, заверяли девахи.

Названием деревни Шпион не поинтересовался. Дома здесь были построены в стародавние времена и представляли собой хибары из глины, кирпича и соломы, с маленькими дверями и еще меньшими окнами, завешанными овчиной. После заката двери запирались на засовы. Над порогами висели языческие символы, а кости животных были обычным украшением дворов. Когда Шпион проходил по улице или входил внутрь, разговоры затихали, а люди улыбались ему и устремляли взгляды в пол или к небесам.

Местные жители были странным народом – одевались на старинный манер и говорили с акцентом, настолько трудным для его восприятия, что он не понимал каждое третье слово, когда беседа велась медленно и обычным тоном, и полностью упускал смысл сказанного, когда говорившие бормотали о чем-то

между собой, что случалось часто. В целом, население было однородно по составу, как жабы в пруду. За исключением распутных служанок, которые родились за пределами долины в более многолюдных местах, местные женщины в разговоры с ним не вступали. Застенчивостью, вне всякого сомнения, они не страдали: улыбались, подмигивали и норовили прижаться мимоходом, но не произносили ни слова. Многие были беременны, но что его удивило – так это полное отсутствие детей в поле зрения. Самый юный из тех, кого он повстречал, уже брил бороду.

В полумиле к северу от города, над обрывом, высился храм, построенный в незапамятные времена. В первый же вечер, когда Шпион расположился в гостинице, его внимание привлекла суматоха в пивном зале. Хозяин, прислуга и гости вдруг разом отставили кружки с элем и тарелки с жареной козлятиной и устремились на городскую площадь. Процессия деревенских жителей, освещая себе путь факелами и светильниками, потянулась по дороге, ведущей от площади к храму. Они двигались в полной тишине, возглавляемые троицей в рясах цвета ржавчины и устрашающих языческих масках, которые не напоминали ни одно знакомое Шпиону легендарное или реальное существо.

Поток паломников влился в дальнее здание, и его холодный, темный силуэт поглотил их на добрых два часа, после чего процессия вернулась на площадь и разошлась. Хозяин гостиницы оказался одним из облаченных в рясу предводителей церемонии. Он снял свою отвратительную маску – восковой гибрид угря с каким-то хищным насекомым – и громко затопал по залу, подбрасывая дрова в камин и собирая посуду, как будто не произошло ничего необычного. Позже Шпион попытался выведать что-нибудь у служанок, но те потупляли глаза и пытались отвлечь его от расспросов посредством далеких от изысканности, но пылких любовных утех.

На следующее утро, как следует позавтракав, он решил наведаться ко вчерашнему месту. Пес поплелся за ним с заметным отсутствием энтузиазма. Рыча, поскуливая и злобно косясь на каждого встречного, он давал понять, что деревня ему решительно не нравится. Горный воздух дурно действовал на его утонченные собачьи чувства.

Храм на холме был самым величественным сооружением, которое встретилось Шпиону с момента выезда из столицы: экстравагантное выше всякой меры для столь глухой провинции королевства и одновременно феноменально запущенное строение; несомненный пережиток древних времен. Годы и землетрясение (от

которого край пострадал лет десять назад, по словам хозяина гостиницы; Червь ворохнулся – сострил он с кислой усмешкой) избороздили трещинами гранитные блоки и резные колонны; стены заросли черной северной плесенью и терновником.

Над двойными дверями, сделавшими бы честь любой крепости, вместо традиционного распятия висело массивное кольцо из кованой меди. Его левый верхний угол был не замкнут, что напомнило Шпиону о богомерзком символе, который он видел в бюргеровом подвале; само же кольцо сильно отошло от стены, возможно, в результате землетрясения. Создавалось впечатление, что над входом навис гигантский шейный обруч, угрожающий обрушиться, буквально как молот богов, на молебщиков, сочащихся сквозь ворота.

Внутри было сумрачно и глухо, как в греческих и римских святилищах эпохи эллинизма; нефы и алтари десяткам богов выстроились в альковах. Шпион опознал Юпитера и Сатурна, Диану и Гекату; бюсты представителей скандинавского пантеона, в частности натуралистическое изображение Локи, подвергаемого пыткам за преступления против Бальдра, и Одина, из пустой глазницы которого лились кровавые слезы. Несмотря на свое скромное ремесло, Мельник, отец Шпиона, был человеком образованным, а его сестра – чрезвычайно амбициозной, так что они оба посвятили книгам и занятиям классической историей немало долгих и унылых зимних дней.

Были здесь и другие боги, которых Шпион опознать не смог. Их статуи, упрятанные в глубине храмового зала, были значительно более древнего происхождения, а надписи на табличках под ними были сделаны на неизвестном Шпиону языке. По здравом размышлении он пришел к выводу, что место строилось – или по частям ремонтировалось – не одно столетие, и более современные добавления, касалось ли это изображений богов или архитектурных надстроек, находились ближе ко входу. Таким образом, углубляясь в освещаемую факелами тьму, он одновременно путешествовал во времени.

Своим острым охотничьем чутьем он уловил, что привлек к себе чье-то недружелюбное внимание. Несколько раз поймал краем глаза какое-то движение, в длинных тенях колонн и сводов скользили тени поменьше. Невысокие, худые и быстрые. Поначалу он подумал о детях – каком-нибудь языческом эквиваленте алтарных служек. Вскоре отказался от этой мысли, хотя сам не понимал, что и почему в ней было неправильно. Он вспомнил рассказы

фермера об «увечной братии» Карлика и содрогнулся.

В противоположном от дверей конце зала он увидел две огромные базальтовые колонны и плотную темно-красную завесу. По другую сторону завесы находился неф, гораздо больше соседних, и грубо сработанный алтарь из черного камня начала времен, который извлекли из спинного хребта самой Земли и придали форму пирамиды с плоской верхушкой, похожую на постройки цивилизаций Центральной Америки. Зиккурат был более двух с половиной метров в высоту и более трех с половиной в ширину. На поверхности каждой грани на уровне глаз имелись небольшие углубления.

Над алтарем, в сердцевине мозаичной стены, покрытой разводами сажи, находился еще один символ разомкнутого кольца диаметром в несколько человеческих ростов; этот образец был сооружен из бессчетного числа сцепленных друг с другом костей, от старости прогнивших до черноты. Курения драконовой крови плыли из кованых светильников и смешивались с факельным дымом, окутывая зиккурат и эмблему дымкой, в которой их очертания кривились и искажались, словно отражения в полированном металле.

Шпион вынул факел из гнезда и поднял его повыше, чтобы лучше осмотреть разомкнутое кольцо и загадочные сцены, представленные на мозаике, в которую кольцо было вделано: не то охота, не то веселая пирушка посреди леса; убегающие от погони девы, прижимающие к груди детей, преследуемые темными фигурами с горящими красным глазами, удлиненными руками и тощими когтистыми пальцами. Изучая поверхность в неровном свете факела, он заметил, что кольцо было выложено из настоящих человеческих скелетов всех размеров, скрепленных строительным раствором, образуя это богопротивное произведение искусства.

Представив, сколько трупов для этого потребовалось, и припомнив бюргерову коллекцию детских костей, а также байки, которыми делились в постели служанки, о пещерах, устланных детскими костями, Шпион почувствовал, что колени у него затряслись, а от решимости не осталось и следа. Набожным он никогда не был, равно как и излишне суеверным. И тем не менее отрывшееся зрелище ожгло его сердце холодным ужасом и напомнило, что друзей у него здесь нет, да и дом далеко.

– Приветствую тебя в Доме Старого Червя, – произнес голос женщины.

Она стояла в алькове, наблюдая за Шпионом. Облаченная в прозрачную тогу, с багряным ожерельем на шее, она была темноглаза, темноволоса и роскошно сложена. Она была намного старше Шпиона, но ее кожа выглядела упругой, а исходившая от нее чувственность казалась всепожирающей, как огонь.

Жрица, предположил он. В голове его царил полный сумбур, и лишь крохотная часть его мозга сохранила способность мыслить рационально.

– Салют, жрица, – попытался он сказать игривым тоном.

Полуобнаженные красотки выскакивают на меня из темноты каждый день, привет-привет! Он старался не пялиться на ее грудь, фокусируясь вместо этого на глазах, что таило в себе не меньшую опасность, поскольку в ее оценивающем взгляде было столько проницательности и жестокости, что даже его сестрице Королеве было до нее далеко. Взгляд, способный освежевать человеческую душу, мгновенно напомнивший Шпиону, что еще совсем недавно он разгребал навоз на конюшне и не имел понятия о столовом серебре и утонченном обществе. Он прочистил горло и бодро начал:

– Весьма, с позволения сказать, необычная церковь. Вынужден признать, удивлен, что подобное святотатство совершается столь открыто. А уж сколько уходит деньжат, чтобы поддерживать в порядке крышу, божечки мои…

– Это ты еще пропустил оргию, – женщина подошла ближе, медленно расплываясь в улыбке. К счастью, ноги у нее были, и отличные. Вблизи от нее исходил аромат духов и смолы. Ее веки были слегка оттенены блеском, а багрянец губ гармонировал с оттенком шейного украшения. – Этими землями управляет граф Мока, большой поклонник старого уклада. Он чертовски богат, а Король редко интересуется тем, что происходит в приграничье. Граф М. и его люди предоставлены сами себе. Ты сможешь убедиться, что в Долине действуют совсем не те обычаи и традиции, которые ты знаешь.

– Безусловно, если под «совсем не теми» ты подразумеваешь нецивилизованные. Граф, похоже, откупился заодно и от епархиальных властей. Это единственное место культа во всей Долине. Что более чем странно, госпожа моя. Несомненно, помимо вас, язычников, здесь отыщутся и христиане.

– Христианам тут рады. Тут рады всем. Любая плоть угодна в пищу богу.

– Кто такой Старый Червь? Это имя мне незнакомо.

– А тебя это удивляет? Миру известно более двадцати тысяч богов. Если ты не ученый или магистр теологии, то не назовешь и сотой их части. А на философа ты не похож. Скорее, на наемника.

Ее акцент отличался от гнусавящего выговора местных крестьян и свидетельствовал о хорошем образовании, полученном в дальних землях. Между моментом, когда звучало слово, и соответствующим движением губ оставался едва уловимый зазор; звук ее голоса отдавался эхом у него в голове за мгновение до того, как был произнесен. Шпион задумался, что же такое было в этих их курениях…

– Я неотесанный олух, значит, должен себя чувствовать здесь как дома. Что тут у вас – каста знахарей? Кучка старых кровососов?

Она засмеялась, прикрыв рот рукой, и взглянула на него искоса.

– Любопытство погубило кошку, – она бесцеремонно поддела ногтем цепь на его шее, и серебряный блеск распятия отразился в ее зрачках. – Доброму христианину не пристало искать истину нигде, кроме Святой Библии.

– Ну не такой уж я и добрый, – выдавил он, трепеща от жара, который исходил от ее близкого тела, облако экзотического аромата затуманило рассудок.

– Не сомневаюсь, – жрица опустила глаза и впервые обратила внимание на пса. – Славная собачка, – она погладила мастифа по бугристой голове.

Шпион запоздало открыл рот, чтобы предупредить ее, – пес был настоящим дикарем, и в его пасти безвозвратно канули пальцы не одного несчастного, плохо рассчитавшего дистанцию. Но теперь, в ответ на прикосновение женщины, зверюга заскулила, съежилась и задрожала, охваченная то ли экстазом, то ли ужасом. Шпион разделял ее чувства.

Он поинтересовался:

– Жрица, мы здесь одни? Я мог бы поклясться, что по пути сюда видел, как во мраке снуют дети.

– Дети, в отличие от коз, в здешних краях редкость, – ответила она. – Тебя, наверное, напугал кто-то из ползунов. Не беспокойся, они не отважатся выйти на свет только для того, чтобы отведать мясца городского жителя. – По алькову раскатился удар гонга, от которого задрожал воздух, а зубы Шпиона отбили дробь. Женщина сделала шаг назад. – К слову, я не жрица. Я странница.

– Твоя манера говорить… Откуда ты? – Упоминание о ползунах он предпочел проигнорировать.

– Название тебе ничего не скажет, красавчик.

– О, эти женские секреты! А что ты делаешь здесь?

– Я прохожу инициацию. Своего рода посвящение в старицы.

– А, обряд перехода. Возраст девства и возраст плодородия сменяются возрастом мудрости.

– Твои познания довольно глубоки.

– Моя мать была друидом.

– В самом деле?

– Нет. Но кувыркаться в постели с язычницей-другой мне доводилось. И когда обряд? Он будет проходить здесь?

– Он уже начался, и – нет, не здесь. Это вот все, – она обвела рукой пространство вокруг себя, – для деревенских простаков. Настоящая церемония проходит в замке. Теперь твоя очередь. С какой целью ты забрел в этот прелестный закоулок в заднице королевства?

– Ищу богатства горных недр.

– Здесь ты ничего не найдешь, кроме дерьма.

Раздался новый удар гонга; от вибрации, отдавшейся в каждой косточке тела, с верхних ярусов зала посыпалась пыль. Женщина вздрогнула, и ее лицо озарилось страхом и восторгом. Шпион схватил ее за руку, сделал шаг вперед и поцеловал. В таких обстоятельствах это казалось естественным. Он почувствовал жар ее губ и ощутил привкус крови.

Она сжала его предплечье с силой, которой трудно было ожидать от женщины ее сложения, и оттолкнула с легкостью, с какой мать отгоняет от себя ребенка.

– Хватит с тебя на сегодня, сын Мельника, – она развернулась и мгновенно исчезла в темноте.

Ее последний оклик донесся будто со дна ущелья, так что его можно было принять за игру воображения:

– Ступай назад, назад. Вершится страшное. Жизнь на конюшне не подготовила тебя к такому.

Шпион остался перед алтарем, ошеломленно потирая руку в том месте, где пальцы женщины оставили черно-синие отпечатки. Он странствовал инкогнито, однако она знала его, как знал, по ее словам, и Карлик. Это испугало Шпиона, но он овладел собой и запретил себе строить пустые догадки. Каждая капля его крови принадлежала Королеве. Опасность не имела значения – что бы ни подстерегало впереди, он не мог бросить поиски. Значение таинственного предостережения, оброненного прелестной паломницей, не стоило преувеличивать, придавая ему больше значения, чем оно того стоило. В такой малой общине слухи распространяются как огонь в сухой траве. Никакой загадки тут не было. Он искренне надеялся, что если будет так думать, то это окажется правдой.

Вершится страшное.

Он бросил взгляд на пса, который продолжал жаться и дрожать, потом взглянул на знак Старого Червя. Чувствуя себя актером, на которого направлены огни рампы, он пережил момент внезапного прозрения, и на краткий миг перед ним открылась безмерная, чешуйчатая истина вселенной, разворачивающей свои

кольца. Несмотря на мириады скелетов, из которых был сложен его остов, чудовищное создание не было ни драконом, ни змеем, ни Уроборосом, отверзающим пасть, – это был червь-колосс, в чьем чреве лежали целые деревни и города… Пиявка кошмарных размеров, созвездие, вычерченное на граните, скользящий по ночному небу гигант, испражняющийся на ходу населениями целых миров.

Он вышел из храма и всю дорогу в гостиницу держал руку на рукояти кинжала.

4

Шпион выставил разочарованных служанок из своих комнат, запер дверь, задвинул засов и лег спать, не снимая сапог на случай, если посреди ночи придется бежать через окно. Это напомнило ему былые деньки, коротаемые в будуарах многочисленных городских замужних дам.

Прошла неделя, и всю неделю он видел во сне женщину из храма. В этих снах пол храма был разделен надвое зияющей пропастью, и она стояла по ту сторону провала, излучая багряное сияние. Она смеялась над ним. Ее глаза и рот сочились чернотой, и она скользила навстречу через дымящуюся рану разлома. Приблизившись почти вплотную, она подносила руки к собственному лицу и натягивала кожу. Раздавался звук трескающейся яичной скорлупы, она сдирала с себя лицо, а он просыпался в холодном поту.

Днем он шатался по полям и пастбищам в попытках выведать что-нибудь у фермеров и пастухов под каким-нибудь шитым белыми нитками предлогом. Большинство отказывались отвечать на вопросы, а те немногие, кто отличался большей разговорчивостью, не могли сообщить ничего стоящего о Карлике.

Ноги привели Шпиона на торфяники – лиги и лиги земель, покрытых туманами и болотами. Он исследовал местность вокруг курганов и фундаментов разрушенных башен, трудясь как муравей, в тени заросших мхами и лишайниками мегалитов. Он осмотрел большую пещеру на каменистых склонах горы Черного Медведя и в самом деле обнаружил следы обитания медведя – кости и помет – в ее глубине. Сам медведь, однако, отсутствовал – к радости Шпиона, не прихватившего с собой ни копья, ни лука.

По ночам он пил медовуху у очага в пивнушке, сушил одежду, которая после его вылазок покрывалась грязью и промокала до нитки, и прислушивался к негромким разговорам и сплетням, которыми обменивались за большим столом фермеры. Крестьяне были поглощены борьбой с дикими кабанами и бандитами, непогодицей, сварливыми женами и случавшимися время от времени вспышками чумы.

Он, конечно, знал, что ответы на кое-какие вопросы следовало бы поискать в замке Графа Мока. К сожалению, Граф отказывался принимать незнакомцев, и без подходящего повода для визита Шпион мог рассчитывать разве что на кандалы, а то и похуже. Пытаться проникнуть внутрь без дозволения было рискованно; обитал Граф как-никак в старой крепости, рассчитанной на то, чтобы пресекать такие затеи. Поэтому Шпиону оставалось только кусать локти, строить планы и бродить по долине в надежде, что боги света или тьмы сжалятся и бросят ему с барского стола какую-нибудь кость.

В один холодный, промозглый вечер в гостиницу заглянул бродячий Торговец; румяный, долговязый парень из столицы, который подсел к Шпиону, поделился новостями из мира цивилизации, после чего, понизив голос и то и дело бросая косые взгляды через плечо, признался, что долина и ее обитатели ему очень не нравятся. Торговец исходил по делам немало разных дорог и успел посетить этот край уже трижды. Он всегда старался закончить все торговые дела в деревне и поместье Мока как можно быстрее. Граф держал для него свои двери открытыми, питая пристрастие к определенным сортам табака, запас которых Торговец всегда имел при себе.

Шпион тут же осведомился у Торговца, не нужна ли ему завтра поутру компания, когда он отправится в замок Мока, крепкая рука, которая обезопасит его от нападения разбойников и волков. Предложение привело Торговца в восторг, и на рассвете они покинули гостиницу вместе: Торговец с парой угрюмых вьючных мулов в поводу и Шпион со своим верным псом.

Погода, по меркам долины, была вполне приемлемой, что означало унылую морось. Дождь некоторое время спустя превратился в мокрый снег и угрожал перейти в снежную бурю. До заката солнца путники шагали по тропе, пролегавшей вдоль укутанных туманом горных вершин и небольшого леса с безлистными искривленными деревьями, а с последними отблесками вечерней зари прибыли к воротам обветшалого замка. Здание стояло на горном склоне; к

воротам вел только шаткий подъемный мост, перекинутый через ущелье. Подъемный механизм был неисправен, к тому же мосту недоставало одной из цепей, поэтому он был постоянно опущен. Ржавая решетка ворот тоже казалась вышедшей из строя. Эти детали придали бодрости Шпиону, всегда ценившему наличие путей для спешного отступления, в случае если предстояла встреча с неизвестным.

Стоя по колено в грязи в неухоженном внутреннем дворе, он окинул взглядом покрытые мхом крыши, рытвины, разбитые статуи, поросшие сорняком сады и забитые водорослями фонтаны и не увидел большой разницы между жилищем Мока и некоторыми из руин на болоте – из тех, что получше сохранились.

– Вот дерьмо, – произнес Шпион. Пес зарычал в знак согласия.

– Да уж, у меня всякий раз мороз по коже от этого места, – сказал Торговец, не обращаясь ни к кому конкретно.

Отряд зловещих на вид слуг, одетых в темное, выдвинулся им навстречу, чтобы позаботиться о мулах и препроводить путников в главную башню. Один подступился было к собаке с намерением посадить ее на привязь, но холодный, острый взгляд Шпиона умерил его рвение. Войдя внутрь, путники скинули промокшие плащи и были усажены за банкетный стол в главном зале. О, какие это были мрачные древние палаты! Камень потрескался и заплесневел, доспехи были побиты ржавчиной, полусгнившие вымпелы изъедены молью. В воздухе стоял сильный запах дыма и плесени.

Вскоре с парадной лестницы сошел Граф в сопровождении двух дочерей, Ивонны и Ирины, женщин с бесстрастными лицами, волосами цвета стали и отчетливым фамильным сходством с женщиной из храма. Граф Мок представлял собой пустую человеческую оболочку весьма преклонных лет, с голым черепом; запавший рот, затянутые пленкой, как у змеи, глаза и сбегающая по подбородку струйка слюны завершали облик.

Все трое были одеты в черное.

Хмурые слуги принялись сновать по залу, разнося жилистое жареное мясо с картошкой и разливая дешевое кислое вино. Отца кормила Ирина, время от времени утирая его вялый рот салфеткой. Ивонна от лица Графа поддерживала

беседу, подробно расспросив Торговца о его товаре и уделив особое внимание табаку с равнинных земель, который так любил ее отец. Ни та ни другая не выказали ни крупицы интереса к событиям в королевстве или в мире.

Ни одна из них ни разу не обратилась к Шпиону напрямую, принимая во внимание его низкий статус прислужника Торговца, однако обе украдкой изучали его на протяжении обеда. Шпион, в свою очередь, помалкивал, открывая рот лишь для того, чтобы пробубнить пару хвалебных эпитетов в адрес пережаренного мяса и каменных картофелин. В ходе разговора он узнал, что Моки командовали передовым отрядом, который сто пятьдесят лет назад подавил сопротивление местных варваров, и получили титул и землю после того, как улеглась пыль. После этих славных дней, видимо, ничего интересного с их родом больше не случилось.

Тему карликов никто не затронул, а удобного случая направить разговор за обедом в нужное русло Шпиону не представилось. В частности из-за того, что остекленелое лицо Графа изредка оживлялось, он устремлял взор прямиком на Шпиона и вопил: «Спасайся кто может! Беги!» За этим следовал приступ кашля и одышки, после чего Граф снова впадал в оцепенелое молчание.

После десерта, состоящего из кровяной колбасы и фиников, Ивонна обратилась к Торговцу:

– Ты прибыл очень вовремя, любезный Торговец. Мы ждали этого момента; календарь и начало сезона туманов говорили нам о том, что этот день – день твоего четвертого посещения нашего скромного поместья, уже близок.

Шпион, осторожный, как лисица, крадущаяся мимо псарни, пил и ел весьма умеренно, а позже, оказавшись в комнате, отведенной ему для ночлега (взамен конюшни, в знак уважения к Торговцу), немедленно обыскал помещение на предмет угроз, о которых обычные гости даже не подозревали. За считаные минуты он обнаружил под кроватью незакрепленный камень, под которым, несомненно, скрывался пружинный механизм или стальные шипы, а также несколько смотровых отверстий, замаскированных уродливым гобеленом, возле платяного шкафа. Шпион прикинул свои шансы, если вдруг события примут скверный оборот, и единственным утешением ему послужило только то, что он не заметил ни следа замковой стражи, а слуги не производили впечатления подготовленных бойцов.

Ночь вступала в свои права, и замок затихал. Шпион отправился на вылазку, пес следовал за ним по пятам. Человек и зверь крались по сумеречным коридорам, по извилистым лестницам, продуваемым сквозняками; заглядывали в комнаты и вестибюли в поисках – чего? Шпион не знал и сам. Сестры сказали Торговцу, что ждали его, их слова не выходили у Шпиона из головы, так же как и приступы ужаса у Графа в минуты просветления. Очевидно, Граф действительно разрешил проведение службы в языческом храме, иначе это место давно бы предали огню и сровняли с землей; и так же очевидно, что храм был каким-то образом связан с Карликом. Несмотря на все россказни о пещерах и горах, все дороги к этому шантажисту-недомерку, в конечном счете, вели через замок.

Шпион и пес передвигались от тени к тени, спускаясь все ниже и ниже, в глубину подвалов. Стражников по пути они не видели, хотя обычные подземные хранилища для вина и продуктов вскоре сменились сырыми, грубо отделанными коридорами – служившими, судя по всему, темницами. Шпион прокрался мимо череды пустых камер, миновал комнату с покрытой пылью дыбой, «железной девой» и анатомическим столом, затем прошел сквозь низкую арку, шириной ненамного больше его плечей, и продолжил спускаться по очередной лестничной спирали. На нижнем ярусе царила еще большая сырость, а освещение было еще более тусклым, чем в других помещениях этой угрюмой крепости, свет исходил лишь от редких факелов и закопченных светильников, установленных в глубоких нишах. С потолка капала вода, а из трещин фундамента текли небольшие ручейки, из-за чего спуск по стертым ступеням становился опасным для жизни. Потревоженные летучие мыши пищали и хлопали крыльями.

Где-то впереди послышались низкие, глубокие звуки ритуального распева.

Шпион испытал странное, неприятное чувство сна наяву – яркого сна, который стремительно превращается в мучительный кошмар.

Тебе сказали, что на ужин подавали говядину? Глупец! Шипящий голос донесся из черноты слева, и от неожиданности Шпион чуть не полетел со ступеней головой вниз. Он прищурился, но никого не увидел во мраке; шепот больше не повторялся, и через несколько мгновений Шпиону стало казаться, что у него попросту разыгрались нервы. Тем временем он достиг конца лестничного пролета и вступил в узкий тоннель. Пение раздавалось все ближе, и от этого волосы на затылке Шпиона зашевелились. Слова напоминали латынь, но латынью отнюдь не были. Хотя он не понимал их смысла, в его воображении

возникли образы зловонных скопищ личинок, кровавой реки, в которой кишат извивающиеся черви, себя самого, совокупляющегося с женщиной из храма в адской пещере, в то время как гигантская беззубая пасть колосса обрушивается сверху и поглощает их обоих.

Он выругался и до крови прикусил язык, а затем двинулся дальше.

Тоннель вывел его в узкий каньон по другую сторону горы. Пространство освещалось костром подле дольмена, сооруженного в глубокой-глубокой древности. На дольмене, составленном из четырех вертикально стоящих глыб внушительного размера и увенчанном еще одной каменной плитой, были высечены руны, сходные с символами на многочисленных варварских мегалитах и пирамидах на болотах. У входа в дольмен высился валун с приделанными к нему цепями и оковами.

Обнаженная красавица из храма, скованная по рукам и ногам, лежала, устремив безмятежный взгляд на костер и окружавшие его фигуры в черных капюшонах. Шпион насчитал тринадцать человек в робах с капюшонами, надвинутыми на лица, и предположил, что это были слуги из поместья, собравшиеся, чтобы поучаствовать в кровавом жертвоприношении.

От дольмена до уступа, где они с псом расположились, было около пятидесяти ярдов. Шпион ущипнул себя в мрачной надежде очнуться от ужасного сна, потому что только во сне был возможен такой зловещий ход событий, не имеющих логического объяснения в разумной вселенной.

Последний намек на то, что вселенная была хоть в каком-то отношении разумна, растаял, прихватив с собой большую часть его собственной разумности, когда Ивонна и Ирина сбросили капюшоны и извлекли зазубренные кинжалы. Одним режущим движением, не отрывая руки, Ирина располосовала скованную женщину от головы до бедра. Из раны хлынула кровь. Присутствующие пели, а женщина разразилась криком, перешедшим в исступленный смех, который набирал силу, раскатываясь по каньону громовым эхом.

Призванный этим смехом, пением, потоками крови, переливающейся темным медовым блеском в отсветах костра, из дольмена выскочил Карлик, облаченный в рясу. Он сорвал с себя одеяние и обнажил серо-бурую плоть, свободно свисающую с его приземистого костяка, как надетый впопыхах плохо

подогнанный костюм. С яростной живостью карлик прыгнул вперед, схватил закованную в цепи женщину и вцепился в нее. Шпион почувствовал дурноту, убежденный, что пигмей и в самом деле пытается освежевать ее заживо.

В этот момент из тьмы выскользнули ползуны, спеша присоединиться к веселью. От этого зрелища его способность воспринимать пошла трещинами, обрушилась и погребла рассудок под своими останками. Он пронзительно вскрикнул и ринулся обратно в тоннель.

5

Когда он добрался до комнат Торговца, все его тело покрывали синяки – он то и дело падал на скользких ступенях. Торговец спал глубоким сном и на появление Шпиона отреагировал так странно, словно принял наркотик. За столом он съел и выпил много больше, чем позволил себе Шпион.

Шпион сыпал угрозами, тормошил и подгонял одурманенного малого до тех пор, пока не вывел его из замка – без мулов, товара и денег за проданный Графу и дочерям табак. Они поспешили прочь по пустынной местности. В конце концов Торговец стряхнул с себя ступор и на пару со Шпионом принялся испуганно оглядываться, высматривая признаки погони.

Добравшись до окраины деревни, они взяли себя в руки и, дойдя до гостиницы, затворились в комнатах Шпиона. Почувствовав себя в безопасности, раскупорили бутыль вина из запасов Шпиона и хорошенько набрались.

Деревня погрузилась во тьму. Они сгрудились вокруг маленькой свечки, дрожа от холода и нервного потрясения. Шпион, оцепеневший от пережитого ужаса и осознания, что он подвел любимую сестру, схватил Торговца за плечи и выложил ему, зачем на самом деле отправился в долину.

– Погоди, погоди, – наконец проговорил Торговец заплетающимся языком. – Не солдат и не наемник? Личный шпион Королевы… Ты случайно не сын Мельника?

Не в силах поднять голову или произнести законченную фразу, Шпион пробурчал, что это он и есть.

Глаза Торговца стали большими, как блюдца.

– О, боги! – воскликнул он.

И рассказал историю о том, как однажды, в бытность молодым, неопытным юнцом, когда он посещал долину в первый раз, ему случилось заблудиться в горах во время грозы и укрыться от дождя в пещере. Веселый свет пламени разведенного им костра привлек Карлика, и они скоротали ночь, куря его кальян и травя байки под завывания ветра и всполохи зарниц. Карлик представился отшельником, промышляющим звериной ловлей и сбором трав и облюбовавшим для ночлега несколько пещер и хижин, разбросанных по округе.

Торговца обеспокоила одна чрезвычайно странная вещь. Возможно, его чувства просто затуманились травами, которыми был заправлен кальян; так или иначе, он ужасно испугался, когда ему показалось, что лицо Карлика плавится. За мгновение до того, как Торговец провалился в беспамятство, Карлик подцепил его подбородок острым, как бритва, ногтем и наказал передать послание сыну Мельника, когда однажды они встретятся. Послание гласило: «Вершится страшное, Конюший. Время – кольцо. Мое имя не спасет ни тебя, ни твою сестру. Мы, ползающие во тьме, любим тебя».

Торговец смолк, охваченный воспоминаниями. Потом его взгляд прояснился, и он продолжил:

– На рассвете я обнаружил, что остался один. Буря продолжала бушевать, и я провел в пещере три дня и три ночи. Дальше, в глубине, обнаружилась еще одна комната. По сгнившим простыням и остаткам одежды, нескольким кружкам и потускневшим предметам столового серебра я понял, что когда-то давно Карлик жил здесь. Больше там не было ничего, кроме пыли, паутины и помета летучих мышей. Вернее, так я думал, пока не наткнулся на груду глиняных табличек, спрятанных под отбитым камнем. Это оказались записки и дневник одного, как он сам себя называл, естествоиспытателя, которого изгнали из его общины. Все обвинения против него, включавшие детоубийство, колдовство и сделки с темными силами, в своих записях он решительно отрицал. Его маленький рост и искривленные кости внушали людям страх, и они объявили его сыном

чернокнижника. Я смог разобрать не всё, поскольку не очень силен в грамоте, к тому же таблички были выбиты во времена, когда еще не родились наши деды. Суть его последних записей сводилась к тому, что Карлик завел дружбу с жителями другого королевства или представителями какого-то племени, которые иногда посещали его, поднимаясь из пещер, расположенных в глубине горы. Эти люди знали о путях зла столько, сколько горшечник знает о гончарном круге, со временем они искусили Карлика, и он оказался в их власти. Ты говоришь, Королева заключила сделку с этим демоном и хочет узнать, кто он? Правильное решение, ведь Истинное Имя – это символ власти. Что ж, я не забыл его за все эти годы. Его подпись на глине была выбита на древнем языке. Я не буду произносить его вслух, так как это, должно быть, одно из множества имен Князя Тьмы.

Он достал перо и пергамент и дрожащей рукой нацарапал буквы, увиденные им на табличках.

– До чего странное и уродливое имя, – произнес Шпион, который так напился, что все двоилось и мерцало перед его мутным взором. Он уставился на пергамент и подумал с мрачной радостью, что, если разобраться, в этом имени была своя скабрезная логика: оно бесцеремонно намекало на смехотворный рост Карлика и на его мятое, как плохая одежонка, тельце. Демон-шут. Вот умора.

– Под стать странному, уродливому недомерку, – отозвался Торговец. – Хотя, полагаю, Карлика больше нет на свете, а в его шкуре теперь обитает нечто совсем другое.

– Если со мной случится самое плохое, пообещай, что сообщишь имя Карлика Королеве. Утром я отправлюсь в столицу по Западной дороге. Ты должен отправиться обходным путем. Один из нас может выжить и донести то, что мы узнали.

– Разумеется, – отозвался Торговец. – Боже, храни Королеву.

– Боже, храни Королеву. Но какой из богов?

Свеча замигала и погасла.

Шпион лежал, совершенно беззащитный, привалившись к теплому собачьему боку. Пес храпел. Храпел и Торговец. Скрипнула дверь, затем половица. Послышался мерный, тяжелый стук падающих капель, затем шлепанье босых ног. Темнота источала запах меди, а сердце Шпиона билось слишком часто.

Ее голос прозвучал у самого уха:

– Вот мы и встретились вновь. Время и в самом деле – извивающееся, голодное кольцо, ползущее червем сквозь реальность. Оно съедает все, миленький мой.

Он попытался заговорить, предупредить криком. Но опоздал.

В холодном утреннем свете Торговец проснулся и не обнаружил в комнате никого, кроме собаки. На полу виднелись кровавые отпечатки ног. Никаких других следов Шпиона. Торговец поспешил покинуть проклятую деревню, взяв с собой тоскующего пса. Он шел днем и ночью, доводя себя до изнеможения, чтобы поспеть к назначенному времени. Проявив чудеса упорства и полагаясь на Провидение, он достиг королевского двора и доставил весточку всего за несколько часов до истечения срока. После этого, невзирая на приставленный отряд вооруженной стражи, он исчез из гостевых покоев, и больше его никогда не видели.

Вопреки позднейшим легендам о последней, решающей встрече Королевы и Карлика, его пророчество сбылось в точности: знание его имени не спасло ни Королеву, ни кого бы то ни было другого.

Глава вторая

Однажды в Мексике…

(1958)

В первый раз Дональд Мельник оказался на волосок от смерти, когда приезжал в Мексику, хотя потом он начисто забыл об этом, если не считать снов, которые таяли в первые же мгновения после пробуждения. Однако тело его помнило. Помнила его кровь и черный омут его подсознания.

Весной они с женой отправились в отпуск в Мехико. Мишель приезжала сюда в энный раз, он – в первый. Один из коллег Мишель, некий Луис Плимптон, человек с большими связями, который уже долго жил здесь, занимаясь исследованиями, подергал за нужные ниточки и устроил их в номер люкс фешенебельного отеля. Великолепный вид сверху на море садов, шелковые простыни, пушистые полотенца, свежие фрукты, дорогой кофе, бесплатные бренди и «маргариты». Распахнув двойные двери красного дерева, Дон окинул взглядом серый кафель, мраморные статуи, золотую отделку и, недоуменно вздернув бровь, посмотрел на Мишель. Она лишь улыбнулась и посоветовала дареному коню в зубы не смотреть.

Утро обычно начиналось с плотного завтрака, затем прогулки с экскурсоводом по историческим кварталам, обеды за столиком на тротуаре, потом ужин и шоу в ночном клубе отеля, где приглашенные таланты из Вегаса сладким пением соблазняли туристов пропустить еще по стаканчику. Дни были неописуемо прекрасны, ночи исполнены неги. Они часто занимались любовью, не чувствуя усталости: связывали себя шелковыми шарфами, надевали повязку на глаза, в шутку предлагали заплатить горничной, чтобы она поучаствовала в их играх. Они пили больше, чем нужно, и в кои-то веки не говорили ни о карьере, ни о том, что после семи лет брака пора бы завести детей – ни об одной из тех серьезных вещей, которые обсуждали на трезвую голову. Все это напоминало второй медовый месяц и продлилось неделю. Одна из лучших недель в его молодой жизни.

Однажды утром, когда они лежали, сплетясь телами и еще не отойдя от возлияний прошлой ночи, Мишель позвонил некто Бьорн Трент (как с трудом разобрал Дон), профессор Университета Мексики, насчет раскопок, которые велись в руинах неподалеку, к югу от городской черты. Что-то по работе? Или очередные россказни об исчезнувшем племени, которым она так увлекается последние несколько лет? Он так и не понял до конца, что она имела в виду: что оно исчезло, как племя майя, или что его проморгали антропологи, не сумев вычислить маршруты его сезонных миграций.

Хотя он разделял ее любовь ко всему загадочному и мистическому, энтузиазм, с которым она работала, вызывал у него тревогу. Лженаука – прямая дорога в ряды безумных маргиналов. А ведь ей еще и приходилось быть женщиной в мужском мире…

Ответа он не дождался. Она бросила трубку, чмокнула Дона на прощание и, на ходу одеваясь, вылетела из номера. Она не давала о себе знать два дня и две ночи. Этот случай многое изменил в их отношениях, в первую очередь в том особенном раскладе сил, который существует в любой паре, хотя до конца последствия стали понятны только через много, много лет. Хороших вещей иногда приходится долго ждать, не так ли?

Уже вечером он начал беспокоиться, как бы с ней чего не случилось. Дон проделал все, что положено встревоженному супругу, – позвонил в университет, где его последовательно отфутболили несколько нервных секретарей и интернов, ни один из них не проявил ни малейшего интереса к его проблеме, ни один не знал никакого профессора по имени Бьорн Трент. Ослабив галстук и расстегнув рукава рубашки, Дон валялся на краю постели, прижимая к уху телефон, курил сигарету за сигаретой, сжимая их между пальцами, а между тем солнце клонилось к горизонту и номер погружался в сумерки, пока его не поглотила тьма, нарушаемая лишь вишневыми вспышками сигареты и отраженным светом городских огней, плавно покачивающихся на стенах спальни.

Погода испортилась, рассвет пробивался сквозь серое подбрюшье дождевых облаков, заливая их багрянцем. В воздухе пахло креозотом и горелой смолой. Дон, в чем был, добрел до бистро на углу, выпил горького кофе, пососал ломтик грейпфрута, отдававшего еще большей горечью, раздумывая о том, что надо бы поставить в известность консульство. Его останавливало только одно: все это было в общем-то в духе Мишель. В прошлом она уже выкидывала похожие коленца, хотя и не такие странные, оправдываясь тем, что пропустила по пивку со старым приятелем или ее занесло бог знает куда, а что-то объяснить или хотя бы поставить в известность бедного паникера Дона ей было недосуг. Под влиянием минуты она становилась порывистой, как ветер, и такой же равнодушной к чувствам Дона.

Вот он и торчал в кафе, посасывая свой грейпфрут, и смотрел на дождь, терзаемый одновременно мрачной обидой от того, что им пренебрегли ради какого-то Бьорна, и страхом, что случилось ужасное – авария, стычка с

солдатами или полицией, и, может, Мишель лежит сейчас в полубессознательном состоянии на убогой больничной койке или сидит под замком в какой-нибудь деревенской тюрьме, отчаянно ожидая спасения. Он то кипел от злости, то начинал паниковать. Голубь, с важным видом проходя мимо, нагадил ему на ботинок.

В конце концов Дон расплатился, остановил такси и направился в университет, решив лично заняться расследованием. Возможно, равнодушные секретарши и огрызающиеся интерны смягчатся, столкнувшись лицом к лицу с обезумевшим, заросшим щетиной мужем с красными глазами.

Все вышло не так, как он ожидал. Восемь часов он обреченно бродил по лабиринтам коридоров и офисов над и под основными университетскими корпусами, пока не попал в подвальную каморку младшего помощника ассистента менеджера среднего звена, управлявшего каким-то безымянным бюрократическим щупальцем.

Его закуток был тускло освещен и нагрет, как котельная, что, учитывая местоположение, наводило на мысль, что где-то рядом должен быть бойлер. Бледнолицый чиновник указал на место у стола, почти полностью заваленного стопками папок и разрозненных листов. Разбитый и опустошенный, Дон опустился на стул и стал ждать, чувствуя, что начинает сходить с ума от раздражения и нешуточного страха за Мишель, подогреваемого воображением. В прострации он принялся жевать кончик галстука, смущенно выпустив его, когда из-за горы папок вынырнул пожилой, аскетичного вида джентльмен в темном костюме. Молчаливый, изящный и бледный, как глубоководная рыба, он сел по другую сторону стола.

Крошечные очки, которые он носил, придавали ему довольно странный вид. То и дело поправляя их, он пролистал несколько бумаг, лежавших поверх главной стопки. Минуту спустя он уставился на Дона холодным стеклянным взглядом птицы, изучающей червя, и произнес на приличном английском:

– Меня зовут сеньор Эстебан Монтойя. Я руковожу службой безопасности кампуса. Вам потребуется моя помощь.

Дон отметил слово «руковожу» и манеру, явно привычную превращать вопрос в утверждение, и этот тесный гроб показался ему еще теснее.

– Так, я Дон Мельник, и моя…

Сеньор Монтойя погрозил пальцем:

– Нет-нет. Давайте без этого. Я про вас знаю, сеньор. И про эту вашу жену я тоже знаю. Вы уже несколько часов надоедаете персоналу. Задаете вопросы. Теперь я буду задавать вопросы. Начните сначала, por favor[1 - Пожалуйста (исп.).].

Он не повысил голос, а лишь подпустил в него еще больше льда.

– Мм, ладно. Моя жена пропала.

– Ваша жена не пропадала, сеньор.

– Ее нет уже… – Дон сосчитал часы на пальцах – он так устал, что уже не доверял своим подсчетам в уме. – Больше тридцати часов.

– Понятно, – но, судя по холодному стеклянному взгляду сеньора Монтойи, понятно ему не было.

– Ни одного звонка. Это и тревожит меня больше всего.

– Потому что она отправилась по магазинам или осматривает достопримечательности нашего прекрасного города, а вам ничего не сказала. Может быть, вы пропустили ее звонок, когда вас не было в отеле.

– Пока меня нет, звонки перенаправляются на ресепшен. Я узнавал час или два назад. Ничего.

– Понятно.

– Да?…

– Честно говоря, сеньор, я думаю, вы зря волнуетесь.

– Ну не знаю, как это делается у вас, но там, откуда я родом…

– Сан-Франциско, США.

– Точно. Так вот в США, если жена уходит утром и не возвращается через тридцать часов, мы обращаемся в соответствующие инстанции. Это значит, что с ней могло что-то случиться.

Дон покраснел, его распирало от злости. Невозмутимость чиновника, его снисходительная манера заставили его почти поверить, что Мишель попала в беду (Боже упаси!). Ему не хотелось даже думать о том, с какой невыносимой надменностью Монтойя отнесется к появлению Мишель, когда она припорхнет обратно, беспечная, как птичка.

– Ага. Так вот как поступают в США. А такое уже с ней случалось?

Дон замялся:

– Э-э, ну не такое.

– То есть случалось.

– Но тридцать часов! И не позвонила! И никто тут даже не слышал о профессоре Тренте! Как это возможно?

– Ваша жена антрополог. Весьма уважаемый. А чем вы занимаетесь, сеньор?

– Вы же говорили, что знаете, – они уставились друг на друга. Дон вздохнул. – Я геолог. Работаю на «АстраКорп».

– Должно быть, не самое увлекательное занятие.

– Да уж, не самое. Разве что иногда. Спелеология, скажем. Это бывает небезопасно.

– Не сомневаюсь.

Сеньор Монтойя нацарапал что-то огрызком карандаша и снял очки. Судя по его острому взгляду, очки выполняли декоративную функцию.

– Профессор Трент, вы говорите?

– Да! Слава тебе господи! Я думал, что либо я рехнулся, либо все вокруг сошли с ума. Профессор Трент, именно. Вы слышали о нем.

– Разумеется. Он работает на кафедре естественных наук.

– Отлично. Найдем его – найдем и Мишель. Они исследуют какие-то развалины. Но, по-моему, она не говорила – какие именно.

Монтойя неодобрительно поцокал языком:

– Вы позволили жене убежать с профессором Трентом? Это muy[2 - Очень (исп.).] нехорошо. Он muy привлекательный мужчина. Он швед.

– Швед?

– Si, se?or.[3 - Да, сеньор (исп.).] Швед. Профессор Трент пользуется популярностью у se?oritas[4 - Женщин (исп.).]. На факультете все знают, что надо держать жен от него подальше.

Невозможно было поверить, что эти слова исходят из уст официального лица; это слишком напоминало сон, словно Дон заснул в своем гостиничном номере, и на него навалился кошмар, а Мишель в любую минуту могла щелкнуть выключателем или запрыгнуть в постель и разбудить его, чтобы рассказать о своих приключениях.

Сеньор Монтойя невозмутимо ждал.

Дон поиграл челюстями:

– Хорошо. Вы не хотите мне помочь, я иду в полицию. Я не хотел их втягивать, не хотел поднимать шум, но нет так нет.

Он поднялся и одернул пиджак.

– Погодите, – сказал Монтойя. – Возможно, мы оба погорячились.

Он вернул очки на нос и улыбнулся – не то чтобы дружелюбно, но уже на пару градусов теплее.

– Вы не понимаете. Policia[5 - Полиция (исп.).], они… Скажем так, не очень надежны. Они попросят денег, а иначе ничего не станут делать. Как вы говорите в Америке, будут сидеть сложа руки.

– Да, именно так у нас и говорят.

– Я помогу вам. Не хочу, чтобы по моей вине вышло, что университет плохо обошелся с гостем.

Монтойя оживленно хлопнул в ладоши, набрал номер и живо заговорил по-испански. Разговор завершился быстро. Он сообщил Дону:

– У меня в policia есть друзья. Они уже на пенсии, поэтому у них масса времени, чтобы помочь вам. Я дам вам их адрес. Обратитесь к ним, и они сопроводят вас, помогут пообщаться с местными, уладят проблемы. У нас прекрасный город. Но в то же время опасный для иностранцев, особенно по ночам. Эти люди, мои коллеги, оградят вас от неприятностей.

– Очень любезно с вашей стороны, сеньор Монтойя. Может быть, мне стоит поговорить с факультетскими преподавателями… С руководителем Трента. Я уже сказал, что даже не знаю, на какие руины они поехали.

Монтойя поднял трубку. Он говорил быстро и нетерпеливо, или так только казалось, и продолжал чертить какие-то каракули, ни разу при этом не моргнув и не отрывая от Дона своего холодного взгляда.

– Прошу прощения, сеньор Мельник. Большая часть администрации уже закончила рабочий день. Секретарь профессора Трента сверилась с расписанием его поездок. К сожалению, никаких раскопок там не значится, и я понятия не имею, о каких загадочных руинах может идти речь. Здесь много необычных

мест.

Он вырвал из блокнота страницу и вручил ее Дону.

– Некоторые заведения пользуются дурной славой. Я думаю, вам следует обратиться к Рамиресу и Киндеру.

Судя по уверенному и категоричному тону его слов, Дону здесь больше нечего было делать. Обескураженный, он поблагодарил джентльмена и распрощался, после чего около получаса проплутал по лабиринту подземных уровней, пока наконец служебная дверь без всяких опознавательных знаков не вывела его в мягкий лиловый сумрак улиц. Он взял такси и отправился на поиски полицейских, следуя указаниям Монтойи. Таксист нахмурился, увидев адрес, и что-то угрюмо пробормотал, но все-таки выжал сцепление, рванул с места и принялся лавировать по лабиринту городских улиц. Дону оставалось лишь утирать ручейки пота, струящиеся по щекам, и отчаянно сжимать петлю ремня.

Шофер высадил его в незнакомом, почти неосвещенном квартале в одном из районов, который Дон не узнал бы и в свете дня. Улица была немощеной, и все вокруг покрывала белая пыль, которая становилась серой в сгущающихся сумерках. В зарослях бурьяна вдоль дороги кралась кошка, ветерок лениво шуршал складками мексиканского флага, свисающего с перил пустынного балкона. Где-то вдалеке кричали друг на друга мужчина и женщина, из единственного освещенного окна седьмого или восьмого этажа доносились отголоски музыки и закадрового смеха какой-то радиопередачи. Это внушало тревогу – Дон уже успел привыкнуть к шуму и суете большого города, с его суматошной толпой жителей, плотно утрамбованных, как муравьи в муравейнике. Такая тишина и пустота казались неестественными, пугающими, оглушающими.

В просвете между ветхими, покосившимися кирпичными домами виднелись отсветы городских огней. Они казались далекими, как созвездия, холодно мерцающие в вышине. Это небесное сияние позволило Дону пересечь изрытую колдобинами улицу и кое-как различить номера домов. Никаких названий – только числа, отпечатанные на табличках или просто выведенные краской на штукатурке или дереве – да и то не везде. Улочки походили на зияющие провалы пещер, от них исходил такой сильный запах мочи и гнили, что у Дона заслезились глаза, засвербило в носу, и ему пришлось прикрыть рот платком. Кто-то шепотом окликнул его из темноты. Крышка мусорного бака покатилась

наперерез через дорогу, балансируя на ребре, набирая и набирая скорость.

– Ох, Мишель, – выдохнул Дон и заторопился, невзирая на все опасности.

Вскоре он решил, что нашел нужную дверь, так как белая краска сходила клочьями с прогнившей деревянной поверхности, словно отмершая кожа, а еще по той причине, что это была единственная дверь в стене: остальное пространство было занято трещинами, размытыми граффити и немногочисленными железными решетками на окнах. Дверь без ручки плотно вписывалась в проем, проржавевшая замочная скважина ожидала ключа, которого у Дона не было. Он устыдился паники, заполнившей его, как гелий заполняет воздушный шар, и тут невидимка из переулка снова подал голос, на этот раз чуть громче. Перед глазами Дона было только переговорное устройство со стершимися буквами, ни одного такси в поле зрения, ничего, кроме акров и акров пространства, бессчетных рядов зловещих зданий. Дон принялся жать на кнопки. Через некоторое время, после нескольких сброшенных звонков, невнятных ответов и просто статического шума, во чреве здания прожужжал зуммер, отвратительная белая дверь со щелчком открылась, и Дон прошмыгнул внутрь.

С другой стороны двери ручка тоже отсутствовала. «Ну и что теперь?» – произнес Дон. Его голос раскатился по пустому коридору неприятным эхом. В вестибюле с полуобвалившимися стенами, освещаемом зеленовато-красным светом, который сочился сквозь какую-то дальнюю щель, стоял почти такой же тошнотворный запах, как в переулке. Пол был выложен мешаниной из гравия, шифера и керамической плитки, местами разбитой и усыпанной осколками стекла, обрывками упаковки и клочками листовок. Рыхлые стены рябили от выбоин, из проломов торчала проржавевшая арматура. Шаткая металлическая лестница спиралью уходила вверх, вверх, в зелено-красный полумрак. Приглушенные звуки радиопрограммы, отголоски которой он слышал снаружи, доносились с невидимых верхних этажей.

Освободившемуся от ледяного взгляда сеньора Монтойи, Дону с каждой секундой все меньше нравилась вся эта затея. В таком месте тупого американского недотепу легко могли подстерегать какие-нибудь бродяги, чтобы скрутить его и требовать выкуп или попросту убить и сбросить труп в канаву. Дон всерьез задумался, не лучше ли рискнуть прогуляться по неосвещенным улицам в поисках полицейского участка или телефонной будки, дозвониться до консульства и привлечь к этому делу самые высокие инстанции. Оставалась,

однако, небольшая закавыка в виде отсутствия дверной ручки или какого-либо очевидного способа убраться из этого убогого подъезда.

В разгар его сомнений лязг тяжелой двери, распахнувшейся наверху, эхом раскатился вниз по лестничным пролетам, и музыка и закадровый смех стали в три раза громче. Заскрежетали ступени под чьей-то неторопливой поступью. Прошло несколько минут. Из сумрака наверху донесся мужской голос:

– Эй, гринго. Тащи свою задницу сюда, pronto[6 - Живо! (Исп.)]!

– А с кем имею честь? – спросил Дон, который был все-таки не настолько доверчив, чтобы углубиться еще больше во тьму, не удостоверив прежде личность говорившего. Выкупы и канавы, выкупы и канавы. Возможно, уже слишком поздно.

– Слушай, amigo[7 - Друг (исп.).], это опасный район. По улицам бродят muchachos[8 - Парни (исп.).], которые жаждут перерезать тебе глотку или поиметь тебя в лилейно-белую задницу, и они попытаются попасть внутрь. Я не собираюсь торчать тут всю ночь. Пошли!

По манере говорить мужчина не был похож на латиноамериканца, и это обескуражило Дона, но потом он припомнил, что Монтойя называл своих знакомых Рамирес и Киндер. С точки зрения этимологии, Киндер звучал вполне по-европейски, чем Дон и удовлетворился, тем более на фоне тревожной перспективы появления головорезов, желающих добраться до его задницы или перерезать глотку или сделать сначала одно, потом другое. В дверь подъезда постучали, затем о дерево заскребло нечто, похожее на гвоздь или нож. Дон в три-четыре прыжка взлетел на площадку второго этажа. Он остановился перед человеком в тюрбане, шелковой блузе с треугольным вырезом, хлопчатобумажных шароварах и засаленных сандалиях.

Мужчина был сухощав и удивительно бледен, как будто сдал лишнюю кварту донорской крови, а глаза его блестели голубым, как два осколка льда. Его нос был крючковат ровно настолько, чтобы не выглядеть отталкивающе, а скорее придавать лицу индивидуальность. Хриплый голос казался сорванным – голос пьющего человека.

– Да, это ты. Я Рамирес. Иди за мной.

Дону не представилось возможности обдумать неожиданный поворот событий, поскольку Рамирес развернулся и принялся карабкаться вверх со скоростью и ловкостью горного козла, в районе пятого этажа бросив через плечо:

– Цепляйся за стену, беленький хлебушек. Кое-где перила держатся на честном слове. Вниз лететь далеко.

Истекающему потом, галлюцинирующему от усталости Дону не хватило дыхания, чтобы ответить. За стену он тем не менее ухватился, и притом охотно. Прошло шестнадцать месяцев со времени его последней спелеоэкспедиции, и его физическая форма докатилась до той стадии, когда живот уже начинал нависать над ремнем. Мишель ничего не говорила по этому поводу, хотя, как подозревал Дон, вряд ли ей это нравилось.

Поднявшись на седьмой этаж и проследовав за Рамиресом сквозь почти полный мрак, он вошел в обшарпанную комнату. Обои лоскутами свисали со стен; с потолков, изукрашенных пятнами сырости, свешивались провода, на которых болтались лампочки. Под единственным окном, напоминающим окно тюремной камеры, громыхал и дребезжал радиатор. В углу стояла плита и древний холодильник, покрытый плесенью. Меблировка исчерпывалась диваном из искусственной кожи, потихоньку теряющим набивку, и двумя деревянными стульями. Штабеля коробок с газетами, покрытые слоем белой пыли, достигали в высоту половины человеческого роста. Грубый деревянный пол был испещрен зарубками, царапинами и пятнами. На груде одеял возлежала голая женщина. Ее светлые волосы казались практически белыми. Она храпела. На ее бедре балансировал таракан, остановившийся почистить усики. На стене над ней висело изображение обнаженной ацтекской принцессы и ягуара, закутанного в бархат. Тень рока червем наползала на лиловый горизонт, бросая темные блики на непокрытые плечи принцессы.

На одном из стульев сидел крепко сбитый мужчина в серапе?[9 - Серапе – традиционный мексиканский плащ-накидка.]. Густые, всклокоченные иссиня-черные волосы доходили ему до пояса. Он склонился над длинным, примитивно обработанным ножом, затачивая его с помощью точильного камня. Он мельком глянул на Дона и вернулся к своему занятию.

– Киндер, это наш заблудший гринго. Гринго, это Киндер. Выпить хочешь, amigo?

Рамирес не стал ждать ответа. Он задвинул дверной засов и заглянул в глазок, как будто надеясь разглядеть что-либо в кромешной темноте, царившей снаружи.

– Чисто. Иногда pendejos?[10 - Сукины дети (исп.).] увязываются за нами. В таких случаях я достаю вот это.

Из сумки, зажатой между двумя коробками, бледнолицый Рамирес вытянул клюшку для гольфа, помахал ей в воздухе и засунул обратно.

– Ладно. Пора выпить.

Он перешагнул через храпящую женщину и достал с полки бутылку текилы. Прищурился, плеснул некоторое количество жидкости в грязный стакан и передал его Дону. Дон сделал глоток, вопреки доводам рассудка. В чужой монастырь, и все такое. Рамирес отхлебнул прямо из бутылки, вытер рот рукавом и рыгнул.

– Йо, Бенни, хочешь глоточек?

– Неа, – Киндер сплюнул на камень и снова принялся точить нож. Этого человека легко можно было представить сидящим на корточках возле костра посреди прерий. Мускулистые плечи ходили ходуном под тканью серапе.

Дон не мог понять, действительно ли на дне бутылки с текилой лежит окаменелый червяк, или это лишь игра света.

– Сеньор Монтойя сказал, что вы, господа, можете помочь мне решить мою проблему. Он сказал, вы полицейские.

– На пенсии, – уточнил Рамирес. Он не был похож на человека пенсионного возраста. – Монтойя прислал тебя сюда. Это было глупо. Мы бы сами к тебе приехали. Но без разницы, hombre?[11 - Мужик (исп.).], без разницы. Так что за проблема, м?

– Он не говорил вам?

– Нет, amigo. Монтойя сказал только, что некий pendejo[12 - Тупица, идиот (исп., сленг., бранн.).]-гринго гонит волну у него в офисе, и что нам придется что-то с этим сделать. Ну надо, так сделаем. Деньги у тебя есть? Американские доллары. Песо не принимаем.

– Э-э… Погодите, он послал меня к вам, потому что в полиции из меня вытянули бы взятку.

– Именно так эти свиньи и поступают. Никогда не доверяй свиньям, мой друг.

– Но… Вы хотите денег. И вы – полицейский.

– Само собой, мы хотим денег. Так устроен мир. Смажь колеса, и телега покатится, amigo. Я не свинья, я бросил все это давным-давно. Поверь мне, я знаю, как у них работают мозги. С нами тебе не в пример лучше. Ты теперь как у Христа за пазухой. Так ведь, Бенни-бой?

Киндер сплюнул и заскользил лезвием по камню.

– Короче, мужик. Сколько у тебя с собой?

Дон заколебался, и Рамирес закатил глаза и пощелкал пальцами:

– Давай-давай, не тяни. Сколько?

– Э-э-э… Тридцать пять американских. Пара сотен песо.

– Чего-чего? Тридцать пять американских?

– Тридцать пять американских.

– Гони его, – на этот раз Киндер даже не потрудился поднять глаза.

– Какого черта ты тут делаешь? – сказал Рамирес. Он отобрал у Дона стакан.

– Меня прислал Монтойя.

– Ну, ёкарный бабай. Прислал, да. А зачем?

– Моя жена. Она пропала, – Дону было трудно выговаривать слова. Он сглотнул слюну и сжал челюсти. – Я могу выписать чек на большую сумму. Или заехать за деньгами в отель, или еще что-нибудь. Или, знаете что? Не надо ничего. Простите, что побеспокоил.

– Притормози, не злись. Я ж тебя просто подначиваю. Монтойя сказал позаботиться о тебе, и мы позаботимся. Бенни у нас фанат Боба Хоупа. Вот закончится передача, и мы пообщаемся. Договоримся.

– Это была плохая идея. Хуже не бывает. Спасибо за выпивку. Провожать не надо.

Уже одна мысль о спуске по лестнице смерти приводила Дона в ужас, но он не собирался больше унижаться перед этими темными личностями. Скорее всего, полиция не проявит никакого энтузиазма, но в его положении единственным разумным вариантом оставался ввод тяжелой артиллерии – любого типа.

– Погоди-погоди. Тридцать пять – это уже что-то. Не много, но хоть что-то. Не знаю. Может, я и позвоню кой-куда. Кроме того, ты навернешься и сломаешь шею, если я не пойду с тобой. Монтойе это может не понравиться. Фото твоей жены есть?

– Сейчас, – Дон вздохнул. Напоминание о лестнице тем не менее перевесило чашу весов.

Он порылся в бумажнике и извлек оттуда фотографию Мишель, стоящей посреди газона, в голубом сарафане, с крокетным молотком в руках, в шляпе с опущенными полями, затеняющими лицо.

– Мать Мария, какая красотка, – почтительно протянул Рамирес. Он пододвинулся к Киндеру и показал ему фотографию.

Киндер мастерски подбросил нож и спрятал его в складках серапе. Затем поднялся, размял мощные плечи и смерил Дона взглядом, исполненным холодной ненависти:

– Ну и какого хрена мы ждем?

2

Их троица спустилась вниз. Киндер шел впереди, освещая путь бензиновой лампой, Дон следовал за ним, а замыкал шествие Рамирес, постукивавший клюшкой для гольфа по ладони. Они вышли на улицу, окунувшись в ночную сырость, пересекли улицу, затем пустырь и оказались перед запертым гаражом, который Киндер открыл своим ключом. Внутри обнаружились островки брезента, какие-то механизмы, разбитые машины. Киндер сдернул мешковину с вишневого «кадиллака» с откидным верхом. Дон расположился сзади. Рамирес занял переднее сиденье, а Киндер сел за руль. Они с Рамиресом начали переговариваться по-испански, изучая в свете приборной панели расписание поездок, предоставленное секретарем профессора Трента.

Рамирес присвистнул:

– Amigo, тут упоминаются довольно сомнительные места. Ты уверен, что твоя жена могла туда отправиться?

– Нет. Это список поездок Трента. Она поехала с ним осматривать руины.

– Я не понимаю. Он любовник твоей жены?

– Господи, да нет же. Послушайте, они просто друзья. Даже не друзья – коллеги – ну вот как полицейские, понимаете?

– Но, чувак. Эти места… Окей, окей. Хозяин барин. Бенни отвезет нас куда надо. Да, Бенни?

Киндер вдавил педаль газа, двигатель «кадиллака» взревел, ветер хлестнул по волосам Дона и резанул глаза. Огни большого города не приблизились, а, напротив, расступились и отодвинулись назад, пока рычащая машина неслась сначала под чередой мостов, а затем стала подниматься по серпантину,

обвивавшему крутой склон. Вершину холма венчала кучка многоквартирных корпусов и лепящихся друг к другу цементных коробок с рифлеными жестяными крышами. Львиную долю квартала занимала развалюха, в которой опознавался бар. На пустыре, на дороге, в кювете под произвольными углами были припаркованы машины. Вокруг толпились люди, которые либо выпивали, либо кувыркались в пыли, то ли занимаясь любовью, то ли сцепившись в драке – трудно было сказать наверняка; десятки людей восседали на крыше, как птицы на проводах, свесив босые ноги перед выключенной неоновой вывеской, на которой значилось «Casa del Diablo»[13 - Дом дьявола (исп.).]. Свет шел от звезд, а также из проема дверей в форме летучей мыши и от укрепленного на шесте факела, пламя которого придавало сцене средневековый вид.

Дон решил, что вышла какая-то ошибка.

– Не может быть, – произнес он.

Киндер припарковал машину посреди дороги. Больше было попросту негде.

– Все будет хорошо, – сказал Рамирес и перемахнул через борт «кадиллака», придерживая рукой тюрбан.

Он нетерпеливо покрутил рукой, подгоняя Дона:

– Не отставай от взрослых собак, amigo. Это место не для щенков.

– Я уверен, что моя жена не могла сюда приезжать.

– Не бойся, щеник. Никто не оттяпает тебе голову, пока мы с Бенни на твоей стороне. Держись поближе, цепляйся за стену – тут лететь придется еще дальше, чем с той проклятой лестницы.

Рамирес ухмыльнулся, ухватил Дона за плечо и потянул вперед. Они прошагали по грязи, толкнули створки дверей и очутились в плавящемся, туманном царстве багряного света и дыма, который клубами поднимался над очагом и заволакивал все вокруг кровавой пеленой, превращая посетителей, битком набитых в эту раскаленную печь, в призрачные тени. Тени оторвались от своей выпивки, блуда и игры в кости и уставились на Дона. Одноглазая желтая псина рванулась к

нему, обнажив гнилые клыки и вывалив язык, и оторвала кусок мякоти от его ноги, осуществив затаенное желание толпы. Раздался смех, и смолкшие было гитары и трубы зазвучали вновь. Он оплатил входной сбор собственной плотью.

– Ха-ха, Бенни, из него кровь хлещет, как из недорезанного поросенка. Ты бы просушил это дело, amigo. Эти твари все сплошь бешеные. Собаки тоже, ха-ха! Ну-ка, отстегни мне бабла чуток, – Рамирес схватил купюры, которые, не глядя, протянул ему Дон.

Дона посадили на стул в углу, и он, шипя сквозь зубы от боли, попытался промокнуть носовым платком проступавшую через штанину кровь. Крови, однако, было слишком много.

– Ay caramba![14 - Восклицание, использующееся для выражения сильных чувств; черт побери! (Исп.)] А бобик-то отгрыз приличный кусок, – Рамирес сунул Дону в руку бутылку теплого пива. – Пей. Помогает!

Дон отпил, и в это время Рамирес с хихиканьем ливанул виски из открытой бутылки прямо на кровоточащую рану. Белое пламя заплясало тарантеллу в мозгу Дона, и он чуть было не опрокинулся на спину вместе со стулом. Рамирес не дал ему упасть.

– Ч-ш-ш, amigo. Не показывай слабость. Надо быть сильным, надо иметь cojones[15 - Яйца (исп.).]. В этом городе человек человеку волк, ха-ха.

У Дона уже не осталось ни малейшего сомнения, что он облажался на полную катушку со всей этой затеей. Вместо того чтобы вовремя дать задний ход, продолжил рыть носом землю. Он прижался к столешнице покрытым испариной лбом и мысленно взмолился, чтобы боль в полыхающей огнем ране отступила, хохочущие гиены исчезли с лица земли, и весь этот затягивающий ужас растворился без следа, оказавшись всего лишь ночным кошмаром. Но ничего не произошло. Вместо этого Рамирес массировал ему плечи, не выпуская из свободной руки бутылку, поглощая текилу в нечеловеческих объемах и услаждая слух Дона душераздирающим исполнением мексиканской колыбельной.

Вернулся Киндер, ведя за собой двоих мужчин.

– Хорошие новости, гринго. Эти парни знают, куда поехали chica[16 - Девушка (исп.).] со своим дружком.

– Да не дружок он ей, черт возьми!

– Чего?… Слушай, нам тут серьезно повезло, – Рамирес встряхнул Дона, не проявив при этом особенной нежности. – Открывай глаза, соня. Тут Клаббо и Гюнтер пожаловали с хорошими новостями. Гони бумажник.

Он вытянул остаток наличных и запихнул сдувшийся бумажник в карман Доновой рубашки. Бросив взгляд вниз, он печально покачал головой при виде крови на полу.

– Ёлки, он реально тебя цапнул. Тебя надо к ветеринару.

Клаббо оказался седоволосым кубинцем в белой рубашке и с ракушечным ожерельем на шее – Рамирес объяснил, что его друг спасался в Мексике от преследования кубинских революционных властей. Гюнтер был европейцем. У него были почти такие же длинные волосы, как у Киндера, только грязно-русого цвета, и густая кудрявая борода. В своей кожаной куртке и кожаных брюках он напоминал остгота, вышедшего прямиком из машины времени, в точности как на рисунке Фрэнка Фразетты?[17 - Фрэнк Фразетта (Frank Frazetta) (1928–2010 гг.) – американский художник-фантаст, иллюстратор, мультипликатор, автор комиксов. Один из самых влиятельных художников жанра.], не хватало только меча в руке и сексапильной девицы, обвившейся вокруг его ноги. На костяшках пальцев у него были вытатуированы черепа, на запястье красовался массивный браслет с шипами. Киндер пробормотал что-то насчет отсидки в русских лагерях.

Вновь прибывшие не проронили ни слова. Их взгляды небрежно скользнули по Дону и остановились на наличных, зажатых в руке Рамиреса. Рамирес выдал каждому его долю. Они сдвинули брови и рассовали добычу по карманам. Виляя бедрами, к столу подошла обнаженная по пояс барменша, чья грудь обвисла даже больше, чем поля шляпы Мишель на фотографии, она несла на подносе пиво и еще одну бутыль ядовитого пойла, именуемого тут текилой, и все опрокинули по стопке, включая Дона. Он было запротестовал и попытался уклониться, но Киндер оттянул его голову за волосы, в то время как Рамирес влил лекарство ему в глотку и захохотал, наблюдая, как американец кашляет,

дергается и задыхается.

– Значит, твоя мамзель – она ученый или типа того, – произнес Рамирес, заглатывая еще одну стопку бормотухи.

Он был похож на демона-альбиноса, с камнем на тюрбане, блестевшим, как третий глаз, пылавшим внутренним огнем легендарного Рубинового Луча, который разгорался все сильнее:

– Итак, вопрос дня. Какого рожна она забыла в руинах, а? Местные не любят, когда разные gringas[18 - Иностранки (исп.).] шарят по нашим руинам. Ни-ни.

– Может, она просто шашни крутит, – сказал Киндер, не отрывая взгляда от двери, а руку держа под столом, как будто ожидая, что в любую минуту в бар может заявиться Джон Уэйн[19 - Джон Уэйн (John Wayne) (1907–1979 гг.) – легендарный американский актер, сыгравший в 142 картинах, 83 из которых были вестернами.] и открыть стрельбу.

Дон расхохотался, как сумасшедший, и его глаза заволокло красным облаком ярости. Он перегнулся через стол, покрытый лужами пролитой выпивки, размазанными кукурузными чипсами и полупустыми пивными бутылками, и заехал Киндеру в челюсть. В юности Дон немного боксировал, так что удар получился неплохим – рука шла от бедра, рассекая воздух, как разворачивающаяся цепь, пока наконец не вошла в плотный контакт с целью. Такой удар, нанесенный в двенадцатиунциевых перчатках, может отправить человека в нокдаун. Без перчаток это было настоящее зверство. Такое чувство, будто врезал по мешку с песком.

Рамирес и Клаббо оттянули его назад. С двух сторон они вонзили большие пальцы Дону под ключицы, от чего тот потерял чувствительность в руках и груди.

Киндер сморгнул и небрежным движением смахнул каплю крови с разбитой губы:

– Не нравится, как я говорю о твоей puta[20 - Шлюхе (исп.).]? Ну извини, гринго.

Дон снова потянулся к нему, и его снова скрутили, только на этот раз Рамирес ударил его в грудь, и Дон на несколько секунд лишился зрения заодно с дыханием.

Киндер дождался, пока американец закончит давиться и ловить воздух ртом, и слегка улыбнулся:

– Прошу прощения. Нет-нет да и забудешь, что не все вокруг скоты. Лупе, – кивнул он Рамиресу, – плесни нашему amigo еще стаканчик. Он ему не помешает. Ты куришь, amigo? – Он вытащил сигарету из белой пачки без названия и прикурил ее от спички, зажженной о подошву ботинка. – Нет, ты не куришь. Чтобы лазить по пещерам туда-сюда, нужно быть сильным, – он карикатурно поиграл мышцами. – Дымить – здоровью вредить. Но, знаешь, с женщинами та же история. Не бей меня, hombre. Я делюсь с тобой мудростью. Женщины типа твоей жены, женщины, которые носят штаны и сбегают со смазливыми незнакомцами, – с такими суками надо держать ухо востро. Им на все наплевать, кроме самих себя. Мне жаль, что приходится тебе это рассказывать. Но так устроен мир.

– Чтоб тебе ссать веревками, – выпалил Дон, надеясь выглядеть Гэри Купером?[21 - Гэри Купер (Gary Cooper) – голливудский актер; его кинообраз ассоциируется с сильными, мужественными, героическими личностями, зачастую героями вестернов.], но дотягивая лишь до Энди Гриффита [22 - Энди Гриффит (Andy Griffith) – американский комик, автор и исполнитель песен, теле- и киноактер. В кино нередко исполнял характерные роли.].

Ругаться он не умел, как бы ни располагала к тому ситуация. Ему отпустили руки, но он уже успокоился, и его желание надрать мексиканскую задницу или умереть, пытаясь это сделать, подутихло. Однако ярость еще тлела, подогреваемая переменой в поведении Киндера, тем, как смягчились черты его жесткого лица, сообщив ему вид энтомолога, готовящегося препарировать насекомое. Словно джинн из бутылки, в памяти всплыла излучающая вежливое превосходство физиономия Луиса Плимптона:

– И я еще как курю, – он неловко выхватил сигарету из рук невозмутимого Клаббо и прикурил ее от свечи в плошке, поскольку пальцы его слушались плохо. – Откуда ты знаешь, что я изучаю пещеры?

– А ты как думаешь, сеньор Мельник? Монтойя сказал по телефону.

– Да? Но вы так быстро поговорили.

– Монтойя зря слов не тратит.

Боль отодвинулась, пульсируя теперь в фоновом режиме в довесок к звуковым и шумовым эффектам.

– Вы, ребята, не полицейские.

– Соображает, – произнес Рамирес.

Киндер вздохнул:

– Заглохни, Лупе. Значит, так, amigo. Все будет хорошо. С сеньорой все в порядке. Она завтра вернется домой как ни в чем не бывало. Что скажешь насчет того, чтобы еще немного выпить, потом вернуться в отель и забить на беготню по горам в поисках ее с этим pendejo Трентом.

– Ты знаешь, где сейчас моя жена?

– Si, se?or. Не мог бы ты расслабиться и приятно провести вечер? Пусть проблемы рассосутся сами. Я уже говорил тебе, от женщин с норовом одни неприятности. Нет смысла бегать за ними, как собака за курами.

– Голосую за то, чтобы взять пару putas и завалиться на секс-шоу с ослом!

– Если вы не полицейские, – сказал Мельник, – то кто вы?

– Не будет он слушать голос разума и не поедет с нами к шлюхам, – бросил Рамирес. – Монтойя же говорил.

– Заткнись, Лупе, – рявкнул Киндер.

– Полегче, полегче. Мое дело напомнить.

– Direccion Federal de Seguridad.

– Мексиканская служба госбезопасности? А где ваша форма, ваши бляхи?

– Надеюсь, вы умеете хранить секреты, сеньор Мельник, – Киндер холодно уставился на Дона, сразу напомнив ему Монтойю, только Монтойю размером с танк и с огромным ножом, который может одним махом отсечь руку. – Ладно. Ты нормальный мужик, Мельник. Мы подружимся.

– Мексиканская госбезопасность… Господи боже. Вы же обычно ведете только крупную рыбу.

– Si, se?or.[23 - Да, сеньор (исп.).] Мы занимаемся очень плохими парнями.

– Вы ведете наблюдение за Мишель? С какой стати? Это, вообще, законно?

– Все в Мексике законно, особенно для нас, stupido[24 - Дурачок (исп.).],– Рамирес осклабился на свой обычный отвратительный манер. – Мы задаем правила.

– Мы не ведем наблюдение за сеньорой Мельник. Она нас не интересует. Мы следим за профессором Трентом.

– Ах, этот крысеныш! Как я ненавижу этого сукиного сына.

– Ну вот это другое дело! – Рамирес хлопнул Дона по плечу.

– Во что он втянул мою бедную крошку? Господи боже, это же не связано с коммунистами? Она же попадет в черные списки…

Мужчины обменялись взглядами. Киндер произнес:

– Это вообще никак не касается ни тебя, ни твоей жены. Это внутреннее дело, вопрос государственной безопасности. Давай допивай пиво, и мы отвезем тебя домой. Завтра все будет в порядке.

– «И увидел он, что это хорошо», – встрял Рамирес.

– Лупе, блин, заткнись, сделай милость.

– Окей, затыкаюсь.

– Не пойдет, – сказал Дон, который, ко всему прочему, еще и крепко перебрал. – Она не проведет еще одну ночь, занимаясь черт знает чем в компании мистера Швеция. Нет уж, господа хорошие. Секретный агент Киндер, подручный Рамирес и вы, пара громил, я настаиваю, чтобы вы немедленно препроводили меня в эти ваши драгоценные руины.

Он шлепнул по столу ладонью для пущего эффекта.

– Но, se?or… Что вы собираетесь делать, если мы их найдем?

– Вызову его на дуэль. У кого-нибудь есть пистолет? – Дон покачнулся, чуть не свалившись со стула, но Рамирес и один из вышеупомянутых громил, Гюнтер, подхватили его.

– Ay yi yi,[25 - Восклицание, выражающее огорчение, разочарование, замешательство; о-хо-хо! (Исп.)] – Киндер покачал головой, снова переглянувшись с друзьями. – Что ж, как скажешь. Монтойя предупреждал, что ты не из уступчивых. Лупе, мои извинения. В таком случае поехали. Ondalay[26 - Пошли! (Искаж. исп.)].

3

Гориллы Гюнтер и Клаббо отвели Дона в машину – ноги его не слушались после такого выброса адреналина, потери крови и обильных возлияний. Все трое разместились на заднем сиденье, Дон сидел посередине, положив голову на плечо Клаббо. От Клаббо исходил довольно приятный запах: смешанный аромат выпивки, курева и одеколона. Киндер ударил по газам, и машина снова понеслась по петляющей дороге, увозя закемарившего Дона все дальше от города, в ночную тьму.

– Я из кельтов, – сказал Рамирес.

– Из кельтов, да? – пьяно пробормотал Дон. – Не зря мне показалось, что в тебе есть что-то необычное.

– Мой клан особенный. Настоящие белые вороны. Мы мутили нехилую движуху, hombre. Мы танцевали под музыку древних черных богов.

– Небесная музыка, – голос Киндера был исполнен меланхолии. – Славные, наверно, были денечки.

– Не грусти, compadre?[27 - Приятель (исп.).]. Крутится, вертится шар голубой – славу Червю воспоем мы с тобой! – Клич был подхвачен Киндером и молчавшими доселе Клаббо и Гюнтером.

– Моя жена была бы рада с тобой пообщаться, – сказал Дон.

– Еще как!

– Заткнись, Лупе! А то чувак сейчас перелезет сюда и надерет тебе задницу, – Киндер слегка прижал педаль тормоза и резко вывернул руль, из-за чего все повалились набок.

Потом они снова расселись, и после небольшой паузы Рамирес забормотал, словно разговаривая сам с собой:

– Ага, ага, ага. Мы были в Британии, чувак, во времена падения Западной Римской империи, втыкали перья под ребра этим поганым макаронникам. Мы белили волосы известью и шли в бой голяком, выкрасив себя в красный и синий. Мы шагали в огонь, резали головы врагам, а из черепов делали вазы для фруктов. У меня в берлоге есть одна такая. Мы делали оружие из меди, бронзы и кремня. Когда не хватало putas?[28 - Шлюх (исп.).], мужики пендюрили мужиков, а собаки драпали от страха. Все драпали от страха, завидев нас. Так что ты ко мне не лезь, – в зеркале заднего вида Дон поймал его безумный взгляд и слабо помахал в ответ рукой.

– Никто к тебе не лезет, – сказал Киндер.

Они с Рамиресом передавали друг другу косяк, и «кадиллак» выписывал широкие, величественные вензеля вокруг выцветшей разделительной полосы. Где они находились, сказать в темноте было трудно, но создавалось ощущение, что в горах.

– Я в порядке, – отозвался Рамирес после хорошей затяжки. Он поймал в зеркале взгляд Дона и сделал большие глаза: – Веди себя хорошо, щеник. Ты под наблюдением.

Что-то огромное и темное заслонило звезды, и уткнувшийся Гюнтеру под мышку Дон понял, что его инстинкт не обманул – они действительно были в горах. Хотя они и так забрались уже высоко, до вершины, накрывшей «кадиллак» своей огромной тенью, было еще далеко. Теплое дуновение ветра наполнило салон характерным густым запахом цветочной пыльцы и древесного сока; в машине стало неприятно влажно, как в сауне, от чего рубашка Дона моментально прилипла к спине, а в его воображении возникли образы ацтекских зиккуратов, увитых лианами, ужасная тень крылатого ящера, скользящая над цветистым ландшафтом, ацтекская принцесса, нагая, как пламя, и нависшая над ней грозовая туча, грозящая, как минимум, бурей: клубок разматывающейся пряжи, потрескивающий разрядами молний и стремительно приближающийся. Он застонал, Рамирес коротко хохотнул, и тут машина остановилась.

Дон попытался сбежать сразу, как только открылись дверцы: заехал головой в челюсть Гюнтеру и попробовал перебраться через Клаббо, пустив в ход локти и ногти. Удар, нанесенный Гюнтеру, произвел не больший эффект, чем тот, который получил в баре Киндер. Гигант ухватил Дона за пояс, и вдвоем с Клаббо они вышвырнули его из «кадиллака». Дон приземлился лицом в пыль, и громилы принялись небрежно обрабатывать его ребра и бедра ногами, пока у него не перехватило дыхание, и он не перестал кричать.

Киндер остановил избиение.

Гюнтер и Клаббо подняли Дона, протащили его в свете фар к поросшему мхом валуну и прислонили к нему. Дальше все происходило словно во сне – кто-то снял с него пиджак и рубашку; одним движением сдернул пояс и брюки; все это полетело в холщовую сумку, которую держал в руках Киндер. Дон не сопротивлялся, его руки и ноги были словно налиты свинцом, а сознание затуманено.

В этом состоянии полубреда он был далек от того, чтобы сопротивляться или обижаться.

– Что, продадите в рабство на галеры? – поинтересовался он, чем вызвал у всех усмешку.

Рамирес похлопал Дона по руке, следя за тем, чтобы не запачкаться в крови, которая хлестала у него из носа и сочилась из так и не затянувшейся раны от собачьего укуса. Собственные ноги и бедра казались Дону отбивной котлетой и выглядели не лучше, чем задняя часть оленьей туши после столкновения с автомобилем, но боль к этому времени уже почти притупилась. В густых кустах, окружавших их, стрекотали насекомые. Камни и гравий повсюду, смутные очертания утеса на самой границе светового луча, темный зев пещеры. На бледной поверхности скалы было нарисовано перевернутое распятие и грубый абрис головы дьявола, наряду с другими символами и глифами, значения которых Дон не знал.

– Это те самые руины?

– В Мексике полным-полно руин, – Киндер распрямился и передал сумку Клаббо. Клаббо прошел к машине и забросил сумку в салон. – И множество чудес. Мне очень жаль, compadre, но руин, о которых говорила твоя жена, не существует в природе. Я не мог привезти тебя в несуществующее место, поэтому я привез тебя сюда. Это Пещера Древних. Опасное, очень опасное место, если не знать дороги. Недалеко от входа находится провал. Совсем-совсем близко. Людям вроде тебя это может быть интересно. Это бездонная яма. Я не могу не задаться вопросом, возможна ли такая вещь, как бездонная яма. Пойдем проверим, а?

Дон мельком подумал о той панике, которая, по идее, должна была его охватить. Однако он чувствовал себя превосходно, словно воспарил на седьмое небо. Эти люди помогали ему, стремились удовлетворить любую его потребность, а сейчас ему хотелось продолжать парить в объятиях душистого бриза, ласкающего его влажную кожу. Из глубины одурманенного сознания выплыло лицо Мишель, смотревшей на него с нежным неодобрением, затем растаяло как дым и больше уже не беспокоило его. Его подняли и понесли на плечах, как героя футбольного матча. Рамирес шел впереди, освещая дорогу факелом, который он соорудил из палки и тряпок, и в этом призрачном красноватом свете демоны – или тени демонов – скакали по пятам за людьми, цепляясь за ботинки.

Время пути измерялось эонами, звезды стыли и каменели в небесах, и кровь в венах Дона прекратила свое течение. Когда тропа пошла вверх, Рамирес затянул песню. Они приблизились ко входу в пещеру, и, хотя Дон практически утратил способность двигаться и думать, его поразили ее размеры. Она зияла, как покрытая шипами пасть Уробороса, а песня Рамиреса рассказывала о смерти и жертвоприношении.

Они прошли внутрь и двинулись по тоннелю. Пол был песчаным, и под подошвами изредка похрустывали осколки бутылок – память о былых попойках. Они проследовали по извилистому боковому проходу и вышли в большой зал. С потолка свисали сталактиты, свет факелов заиграл на вкраплениях слюды и кварца. Хотя Дон не очень ясно воспринимал происходящее, зал показался ему древним и зловещим – киста в гранитном сухожилии горы. От страха свело желудок. Страх – его слабое место – удалось усмирить и приглушить тем наркотиком, который его компаньоны подсыпали ему в баре.

– Вот дерьмо, – сказал Дон, не обращаясь ни к кому конкретно.

Его уложили на каменную плиту с гладким желобом вдоль продольной оси и несколькими глубокими канавками снизу. Поверхность плиты была наклонена к краю ямы метра два шириной. Запах гниения поднимался из глубины.

Мужчины зажгли факелы на стенах, закрепленные на подставках из черненого железа. Затем разделись до пояса, облачились в маски демонов, зверей и зверодемонов и затянули зловещий напев, сопровождаемый звуками свирелей, цимбал и пронзительного улюлюканья, которые жутким эхом отражались от каменных стен – здешних дозорных и свидетелей множества убийств и сцен насилия, одаривавших их кровавыми дарами.

Клаббо и Гюнтер изображали каких-то демонических обезьян, Киндер был хищной птицей с желтым клювом, а Рамирес выступал в обличье чудовищной летучей мыши. Киндер вытащил из-за пазухи уродливый каменный кинжал и небрежно держал его перед собой, как нож для колки льда. Рамирес вооружился не менее пугающим каменным томагавком и бесстрашно выплясывал на краю ямы, размахивая горящим факелом, зажатым в другой руке.

Жуткая песня приближалась к кульминации. Дон попытался освободиться, попробовал согнуть руку, принять сидячее положение и убедился, что его

конечности все еще были тяжелее свинца – бесчувственные, онемевшие обрубки. Он закрыл глаза и принялся ждать. Напев сменился странной убаюкивающей интерлюдией, которая длилась несколько секунд или минут, затем мелодия возобновилась, но стала более пронзительной и дисгармоничной. Когда Дон собрался с силами, чтобы приподнять веки, его взору открылось поразительное зрелище левитирующего Рамиреса, похожего на марионетку, которую сперва вздернули вверх, а потом оттащили задом наперед в мрачную глубь пещеры. Он жалобно вскрикнул, взмахнул факелом и исчез.

Дон не мог видеть остальных, слышал только их крики и завывания, которые рассеивались в разных направлениях. Однако акустика здесь была обманчива. На какое-то время Дон потерял сознание. Когда он очнулся, факелы потухли, зал погрузился во тьму. Он освободился от наркотического дурмана, опутывавшего его тело и сознание. Его трясло от холода и едва сдерживаемого животного ужаса – несколько жутких мгновений.

Кто-то прошептал:

– Позволь тьме ослепить тебя изнутри, Дон. Вершится страшное.

Через два дня его обнаружило какое-то семейство, направлявшееся на рынок, на дороге у небольшой южной деревеньки; обгоревший на солнце, он был весь в синяках и порезах, с раной на виске, полученной, вероятно, при падении с высоты. Он похудел килограммов на десять и балансировал на грани смерти. Мишель прибыла вместе с полицией и сотрудниками консульства США. Даже доктор Плимптон вылетел первым же рейсом и сидел в больничном коридоре, осыпая себя упреками, причину которых Дон в силу своего состояния понять не мог.

Забравшись к нему в больничную койку, Мишель плакала и безостановочно целовала его, повторяя, что он абсолютно неверно истолковал ее слова утром – никаких руин они с профессором Трентом не осматривали. Никаких руин не существовало. А ездили они на виллу к одному немецкому ученому, чтобы послушать лекцию в неформальной обстановке. Телефонов в доме этого известного затворника не было. В автобусе, на котором их доставили, сгорела прокладка, и гостям пришлось провести сутки в ожидании другого транспорта. Ужасное недоразумение.

Разумеется, местные власти расспросили его о людях, с которыми он разговаривал, и о том, куда они его отвезли. Уже на тот момент имена, лица, детали событий практически выскользнули из памяти Дона, как угри из рыболовной сети.

Он совсем не помнил, как выбрался из пещеры. Через несколько лет единственное, что он вспоминал об этой поездке в Мексику, – это дни романтической страсти, проведенные им с Мишель в отеле, смутные образы каких-то заносчивых чиновников и опасных уличных бандитов, а еще какая-то процессия или вечеринка, где все носили жуткие маски. Все остальное тонуло в тумане. Мишель, со своей стороны, никогда больше к этому не возвращалась.

Глава вторая с половиной

Веначи, 1980

Энтомолог умер, прижав окровавленные губы к уху агента Крейна: склизкая багровая печать, которая сломалась в тот момент, когда голова ученого упала на подушку. Агент Крейн отступил на шаг от постели и от человека с остекленевшими глазами. Тяжелый черный револьвер лежал у левого виска покойника. Револьвер был еще теплым, пахло смазкой и раскаленным металлом. Прости-прощай, господин фигурант. Крейн достал из кармана платок и вытер испачканное кровью ухо.

Стены дома дрогнули от порыва ветра. Щиколотки агента лизнул сквозняк. Занавески вздувались и опадали, словно балаклавы на маленьких тяжело дышащих оконных ртах. За окнами было темно и холодно. Все вокруг громыхало, вздыхало, оседало.

– Хей-хо, мелодрама! – Агент Бартон прислонился к дверному косяку. И без того высокий, он выглядел настоящим великаном – эти двери и комнаты возводились в двадцатые, когда в мире дизайна правила бережливость. – Что он сказал?

Агент Крейн вытер руки.

На антикварном комоде тикали и щелкали антикварные часы, в латунном светильнике шипела лампочка. Стены были увешаны снимками в рамах: целые поколения фотографий, выстроенные в колонны. Изображения прятались за мутным стеклом, падающие тени придавали им призрачный вид – внезапно потерявший всякий смысл в мире живых. Под подошвами сияющих ботинок агента Крейна, под потрепанным половиком и вздутыми половицами, глухо, словно из-под воды, доносились стуки и скрипы, производимые агентами, которые работали этажом ниже. Аккуратные люди в костюмах прочесывали помещение с фонарями и камерами.

– Эй, Томми, – окликнул агент Бартон.

– Да?

– Он вообще хоть что-нибудь сказал?

– Да, – мистер Крейн закончил вытирать руки. Не зная, что делать с платком, он зажал его между большим и указательным пальцем. Внизу что-то обрушилось, послышался нервный смех. Во дворе залаяла собака. – Черт побери. На каких-нибудь пятнадцать минут раньше…

– На пятнадцать минут раньше он мог разрядить пушку в тебя или меня, а не в себя. Кофе не хочешь?

Не дожидаясь ответа, агент Бартон подошел к комоду и снял телефонную трубку, чтобы связаться с Отделом. Тот уже оповестил местные органы власти и теперь координировал сбор всей необходимой информации. Закончив разговор, Бартон глубоко вздохнул, собираясь с духом, чтобы позвонить оперативному руководству. Поговорили быстро: «Да, мэм. Нет, мэм. Мы вернемся завтра во второй половине дня, мэм». Он передернул плечами и натянуто улыбнулся.

– Здесь закончили. Кофе хочешь? Поехали кофе пить.

Агент Крейн кивнул. Техперсонал прощупает тут все вдоль и поперек, как муравьи – каплю варенья. Возможно, осталась какая-нибудь записка или аудиозапись. А может, ничего не осталось. Он проследовал за напарником через узкий холл, затем вниз по узкой лестнице. Они кивнули парням в перчатках с контейнерами для сбора улик.

Когда они сели в машину и колеса неторопливо захрустели по гравию, агент Крейн немного расслабился. Он зажег сигарету. Чахлые тополя тянули когтистые ветви к звездам. По светлеющей кромке неба плыли черные пятна облаков. Навстречу им проехали три патрульные машины Департамента шерифа округа Шелан, вздымая за собой фонтаны дорожной пыли. Красные и синие вспышки мигалок промелькнули посреди пустых полей и отпечатались на сетчатке агента Крейна.

– Что с тобой? – поинтересовался агент Бартон.

– Я не смог разобрать.

– Разобрать что? То, что сказал Плимптон?

– Да.

– Похоже, что-то засело у него в голове.

– Да неужто?

– А то. О, как насчет трак-стопа на девяносто седьмом. Бургер и кофе.

– Пойдет.

Агент Крейн приоткрыл окно. Агент Бартон терпеть не мог, когда в его машине курили. Агент Крейн зажег вторую сигарету. Голова была тяжелой, словно налитой свинцом. Действие адреналина заканчивалось, уступая место сомнениям и подавленности.

Они вырулили на шоссе. С каждой милей страх Крейна ослабевал, пока не сжался в маленький комок под ложечкой. С Крейном такое иногда случалось, но не часто – это был первый раз за много лет. И дело не в самоубийстве. Плимптон для него был лишь фотографией, параграфом в досье. А теперь еще и заключением патологоанатома. Мясом.

Нет, дело было в чем-то другом, в чем-то не поддающемся определению. Другие члены бригады тоже почувствовали это, судя по их раздувшимся ноздрям и вымученным улыбкам. Агент Бартон тоже все понимал, он ехал слишком быстро. Бартон всегда ездил быстро, когда был не в духе. Возможно, бригада и обнаружит что-нибудь. Тайник с наркотиками, оружием, компроматом. Лабораторию по производству бомб. Агент Крейн не хотел возвращаться и болтаться там. Он предпочитал дождаться отчета.

– Как думаешь, она знала? – спросил он.

– Она предсказывала это. Что-то она должна была знать.

– Может, совпадение.

– Что ты обычно говоришь о совпадениях?

– К херам совпадения.

– Правильно. Значит, знала и, по крайней мере, кое в чем оказалась права. Но если они не найдут ничего горяченького, получится очередной холостой заход.

– Думаешь, они собираются сослать нас на Аляску, а? – сказал Бартон. – Не переживай, осенью на Аляске очень неплохо, если не забудешь прихватить бельишко с подогревом.

Какое-то время они молчали. Затем Крейн проговорил:

– Жаль, что я не расслышал, что пытался сказать Плимптон.

– Угу, – прищуренные глаза Бартона в свете приборной панели были непроницаемы.

– Он… у него была каша во рту. Заплетался язык. Ну, понимаешь.

– Он, наверное, не видел тебя, Томми.

– Да?

– Ага. Мозги по всей стенке. Он тебя не видел.

– Он был уже одной ногой на том свете.

– Так я и сказал Отделу.

– Ну и славно.

– Ага. Не наша проблема.

– Нам своих хватает.

– Точно.

Они хмыкнули, и ледяной комок в животе агента Крейна сократился еще на толику. Через некоторое время, после жирного обеда на трак-стопе «Прерия гремучей змеи», они сняли комнату в дешевом мотеле, попросив ночного портье разбудить их в пять утра.

Крейн водрузил на нос бифокальные очки и засиделся до глубокой ночи, изучая документы, в том числе результаты геологических исследований подпочвы в районе долины Веначи и соответствующий экологический отчет о том влиянии, которое они оказывают на местные экосистемы. Затем шла двадцатистраничная компиляция статистических данных по количеству убийств, разбойных нападений и пропавших без вести. Эти выкладки были больше похожи на раздел криминальной хроники «Детройт Фри Пресс», чем на описание сельской местности, покрытой виноградниками, садами и фермами. В конце концов агент Крейн погасил ночник и привалился к спинке кровати с бутылкой воды в руке. Из противоположного угла комнаты доносился храп Бартона. Крейн никак не мог выкинуть из головы Плимптона с его окровавленным ртом. По крыше колотил ледяной дождь. Снова задул ветер, еще более яростный, чем прежде. Высокий фонарь, заливавший парковку безрадостным светом, замигал и потух, как задутая кем-то свеча.

Чернота.

Прежде чем агент Крейн успел вырубиться от усталости, ночные страхи детства пригвоздили его к постели, мороз пробежал по коже. Дверь тихо скрипнула, несколько раз качнулась туда-сюда и замерла без движения. Жалюзи задрожали, словно под дуновением чьего-то легчайшего дыхания. Он был ребенком, напуганным раскрывшейся дверцей шкафа; взрослым человеком, пригвожденным к постели; федеральным агентом, склоняющимся над умирающим мужчиной; и сумрак, явившийся по его душу, сгущался вокруг него со всех сторон сразу.

Плимптон прошептал:

– Ждущие любят тебя, Томми.

Агент Крейн попытался набрать воздуха, чтобы закричать, но его легкие уже начала заполнять кровь.

Глава третья

По канаве кролики бегут[29 - Строка из песни «Season of the witch» («Время ведьм»).]

(Наши дни)

1

Миновало раскаленное лето, за углом уже поджидала осень. Дни все еще были сухими и жаркими, но вечерами становилось ощутимо прохладно, а звезды по ночам сияли по-осеннему ярко. Порой Дон выходил во двор и смотрел на сияние и вспышки небесных россыпей, и сердце его наполнялось непонятной тревогой. Ему внушали беспокойство не столько сами холодные, бесстрастные звезды, сколько пустоты между ними. Постарел он, однако. Постарел, ослаб духом и телом. Парень с прибабахом, как говорит его любящая жена.

К утру тревога всегда проходила.

В последнюю неделю календарного лета он вытер пыль со своего ненаглядного «файрбёрда» 1968 года выпуска и отвез Мишель в город на праздничный ужин – заблаговременный подарок к годовщине их свадьбы. Дон заказал столик в «Староуэльсском трактире», традиционном уэльсском пабе-ресторане, располагавшемся, как ни парадоксально, в перестроенной испанской миссии в получасе езды от их дома в Уэдделл-Вэлли. В силу разных обстоятельств и упорного желания Мишель огибать любую таверну за километр, это был всего-навсего второй раз, когда ему удалось вытащить ее сюда.

Предложение было из разряда «теперь или никогда». Утром должны были приехать близнецы, устроившие себе импровизированный отпуск: Курт со своей новой женой, гонконгской принцессой, и Холли со своей девушкой, с которой они отправлялись каждое лето на поиски приключений. На следующей неделе Дон должен был читать лекции в рамках выставки по геоморфологии докембрийского периода в Редфилдском мемориальном музее естественной истории, а Мишель уезжала на антропологический конгресс в Турцию, новый пункт назначения ее ежегодного паломничества на Восток. Дон предпочел бы поехать вместе с женой; его пугала перспектива модерировать круглый стол, за которым восседали напыщенные ученые мужи, каждый с незарытым топором войны и камнем за пазухой, перед аудиторией, состоящей из целого, ну скажем, десятка человек, включая осветителей, звуковиков, официантов и музейных смотрителей.

К предстоящей суматохе Дон и Мишель относились спокойно. Их повседневная жизнь, протекавшая размеренно и плавно, иногда сменялась периодами абсолютной анархии. Мишель блистательно подвизалась на поприще сравнительной антропологии, обязанная своим успехом отчасти таланту с блеском писать яркие научные статьи, отчасти – сочетанию практической хватки и коварства, помогавшим получать внушительные гранты. Недоброжелатели ворчали, что она выйдет из игры исключительно ногами вперед, возможно в желудке анаконды, или пав под натиском какой-нибудь ужасной экзотической болезни вроде малярии. Дон, в свою очередь, состоял заслуженным профессором геофизики при Эвергринском колледже.

Поездка прошла довольно приятно, хотя педаль тормоза была туговата и Дон слегка не вписывался в повороты, – за исключением единственного в году разминочного тура по окрестностям, «файрбёрд» стоял на приколе в гараже уже

добрый десяток лет. Жена предпочитала, чтобы он ездил на «вольво» или мини-вэне, особенно теперь, когда он носил очки с толстыми линзами и не мог похвастаться ни быстрыми рефлексами, ни памятью, хотя эти проблемы начались давно, как минимум, лет двадцать назад. Она заявляла, что разъезжать в суперкаре с восьмидесятилетним стариком за рулем противоречит ее принципам.

Поторопись, дорогая, а то гонки начнутся без нас, сказал он, подъехав к парадной двери дома. Она нахмурилась, бросив взгляд на его солнечные очки с диоптриями, автомобильные перчатки и клетчатый шарф, обернутый вокруг шеи, – он нацепил его специально, чтобы ее подразнить. В конце концов Дон заманил Мишель в машину, зажав в зубах розу и призывно похлопав по пассажирскому сиденью. Вот старый дурень, сказала она, хихикнув в ладошку.

Они въехали в Олимпию, когда закатное небо окрасилось оранжевым, и двинулись сначала по покрытым выбоинами проспектам исторических районов, потом по петляющему вокруг горных хребтов серпантину, затем пронеслись под величественными тенями стодвадцатилетних кленов. Дорога заканчивалась у береговой линии, изгибавшейся и убегавшей за город.

Мишель восторженно ахнула, когда на вершине холма, до которой оставалось еще несколько витков дороги, показалось здание трактира.

– Господи, я и забыла, до чего тут красиво.

В ее темных очках отражались закатные всполохи. На ней была подвязанная платком шляпа в стиле Вивьен Ли.

Он украдкой бросал на нее взгляды, восхищаясь изысканной формой, которую приняла с годами ее красота. Он почувствовал прилив вожделения, которое не проходило с момента их первого свидания, когда она впервые приподняла подол платья и обвила свои сильные ноги вокруг его талии, – он немедленно заблокировал направление, в котором начали развиваться его мысли, чтобы не слететь с дороги из-за своих амурных настроений.

В свои восемьдесят два с половиной Мишель пошла на уступки суете сует лишь в одном: она предпочитала скрывать от общества тот факт, что ее длинные темные волосы стали снежно-белыми. Шрамы, с другой стороны, никак не

подрывали ее самооценку. У нее на лице и теле остались отметины после аварии, случившейся много лет назад во время экспедиции в самое сердце Сибири. Водитель джипа не справился с управлением на грязной дороге у подножия горы, откуда до ближайшего города было три сотни километров. Мишель едва не погибла во время сорокачасового пути в больницу, и даже после множества операций она не избавилась от шрама – белая полоса с неровными краями тянулась от ее левого виска, спускалась на грудь и закачивалась изгибом в районе бедренной кости. Когда это произошло, Дон консультировал горнодобывающую компанию в первозданной глуши полуострова Олимпик и узнал о несчастном случае и о том, что Мишель была на грани смерти, только спустя неделю. Еще один покрытый туманом эпизод из его прошлого – он смирился с тем, что никогда его целиком не восстановит. А может, лучше было и не помнить.

Чтобы развеять подступившую грусть, он улыбнулся Мишель и принялся рассказывать о месте, куда они направлялись. Пятнадцать лет они с Аргайлом Арденом, Робби Гоулдом, Тёрком Стэндишем и остальными ребятами приезжали сюда выпить и сыграть в дартс. Здание миссии было перевезено сюда из Сан-Франциско в 1911 году и установлено на его нынешнем месте над Олимпийской гаванью. Вскоре по распоряжению местного отца-основателя и эксцентрика Мюррея Блэншарда III в нем открыли римско-католический монастырь.

Во время Депрессии и в бурную эпоху 40-х здание много раз меняло хозяев, затем пустовало вплоть до 1975-го, когда Эрла Тиг купил его у города за сущие гроши. Этот валлиец при поддержке своей энергичной супруги и пяти доблестных отпрысков трансформировал исторический объект в подобие памятника, в нечто среднее между современным дорогим рестораном и старинным постоялым двором. Внутри – высокие своды и много воздуха. Над дубовой барной стойкой и россыпью маленьких обеденных столов и кабинок полумусяцем нависал балконный ярус. В комнате для игры в дартс, сразу за аркой в двух шагах от основной галереи, висели пробковые мишени, стояло несколько потертых билльярдных столов. Здесь ежедневно собирались компании морских волков, сыпавших солеными шутками, а также благородных головорезов с утонченными манерами, они дудлили пиво и заключали пари на исход разыгрывающейся партии или любого спортивного события, которое показывал допотопный черно-белый телевизор.

«Мельник, столик на двоих», – сказал Дон метрдотелю, слегка нетерпеливой девушке с поразительным румянцем на щеках. Он не видел ее раньше, персонал

сменялся здесь довольно часто. Их препроводили к столику на северо-восточном балконе с эркером – с прекрасным видом на окрестности, очерченные полосой темнеющей воды. Огоньки барж и шлюпов покачивались на волнах, бросая отблески в сгущающихся сумерках на лесистые склоны, где зелень уже начинала уступать место золоту и багрянцу.

Они заказали бутылку вина. Официант зажег свечи в элегантных кованых подсвечниках. В зал вплыли еще несколько пар, оставляя за собой шлейф негромких разговоров и смеха. Хорошо одетые люди преклонного возраста: мужчины с дорогими часами, в шелковых галстуках, женщины в изысканных платьях, шляпках с перьями и жемчужных ожерельях; зубные протезы каждого сияли снежной белизной и вазелиновым блеском. На маленькой сцене внизу скрипач в клетчатом пиджаке и котелке настроил инструмент и заиграл кельтскую джигу. Мишель пригубила вино. Ее глаза скользили по баннерам, геральдическим щитам и мозаичному изображению Девы Марии, отбрасывающему разноцветные блики на соседние столы.

Дон обожал жену; излучаемая ею радость согрела его сильнее, чем половина бутылки «Мерло». В такие моменты, как сейчас, когда морщинки и складочки на лице Мишель разглаживались, он снова видел в ней свою юную невесту с невинным личиком, с которой они наслаждались медовым месяцем в очаровательном курортном местечке на Мауи. Его пугала мысль о том, что Труман в Овальном кабинете вершил судьбы страны прямо в то время, пока они прожигали свои скудные сбережения, наслаждаясь солнцем, серфингом и сексом.

Они воздали должное ужину и вину. На десерт был подан шестислойный шоколадный торт, и величественный, респектабельный старший официант на серебряном блюде преподнес Мишель перламутровую коробочку с платиновой цепочкой внутри. Подарок в обстановке полной секретности был заказан Доном в «Мэллой Джуэлерс» за несколько месяцев до торжественного события. Мишель поднесла цепочку поближе к свече. Ее щеки раскраснелись, губы задрожали, а из глаз брызнули слезы. Она уронила свою аккуратно причесанную голову на руки.

– Вижу, что за все эти годы не растерял умения тебя порадовать, – шутливо сказал Дон.

Он залпом проглотил остатки вина в бокале. Плечи Мишель затряслись еще сильнее. Она все еще закрывала голову руками – и он не разобрал ответа.

– Что ты говоришь, дорогая?

Она подняла лицо в потеках туши и прорыдала:

– Я и радуюсь, черт побери!

Приняв во внимание такой поворот, он налил им еще по бокалу. Молчание поистине золото, мой мальчик, часто бормотал его дед, делясь мудростью, усвоенной за долгие годы непростого брака с женщиной куда более неистового темперамента, чем Мишель. Милая бабуля. Оставалась сумасбродкой до конца дней своих, земля ей пухом.

Мишель выудила из сумки платок и поспешила в дамскую комнату. Дон заметил, что она прихватила цепочку с собой, – это был хороший знак. Он надеялся на это. Мишель нечасто плакала – она никогда не была чересчур эмоциональной. Она считала, что жаркие страсти опасны для людей ее профессии, особенно в полевых условиях. Рыдающие иностранки не впечатляют перувийских бушменов и охотников за головами из Новой Гвинеи.

Дон посмотрел в окно, глянул вниз на парковку и заметил двух человек, отирающихся возле его машины. Несколько мгновений он озадаченно наблюдал за ними, склонившись к подоконнику и сжимая в руке бокал, застывший на полпути ко рту. Парковка была довольно маленькой, заполненной дюжиной автомобилей. Две темные фигуры, стоящие с пассажирской стороны «файрбёрда», были легко различимы в свете газоразрядной лампы. У него еще были сомнения: может, они направляются к «студебеккеру», запаркованному на два места дальше; но нет, подозрительные личности достаточно явственно склонились к окнам именно «файрбёрда», пытаясь получше рассмотреть салон, и – ого! Не закачалась ли слегка машина, недвусмысленно указывая, что они собираются взломать окно или дверь?

– Удачи вам, приятель! – сказал, проходя мимо, пожилой господин в вечернем костюме и галстуке-бабочке, похлопав Дона по плечу.

Спутница мужчины, красавица с уложенными в высокую прическу блестящими, словно отполированными, волосами, одарила Дона улыбкой. Эх, ты, жалкий олух, говорило холодное, снисходительное выражение ее лица.

– Мм? – Он попытался понять, о чем это они, и наконец сообразил: они решили, что Мишель покинула его посреди романтического ужина, потому что он испортил вечер какой-то бестактностью. – Э-э, да-да, спасибо.

Он опять посмотрел на стоянку и увидел не одну, не две, а целых четыре фигуры, отступающих в тень, и вовсе они никуда не склонялись – это были просто дети. Стайка малолетних хулиганов, понял он. Нахальные шпанята, отрывающиеся напоследок перед наступлением осени, перед тем как любящие руки государственной образовательной системы снова загребут их в свои объятия. В эти дни следы их деятельности можно было видеть повсюду: в центре города на автобусной остановке, покрытой граффити и зияющей выбитыми стеклами, в разбитых уличных фонарях и развороченных почтовых ящиках. К счастью, мерцания красного огонька сигнализации оказалось достаточно, чтобы отпугнуть потенциальных злоумышленников.

– Дорогой, посмотри, кого я нашла, – сказала Мишель. Веселое выражение ее покрасневшего от умывания лица делало ее похожей на проигравшую финалистку конкурса красоты; в вырезе платья сверкала цепочка. За руку она держала пожилую даму, которая была смутно знакома Дону.

Как ее звали? Пока он рылся в памяти, Мишель выжидательно улыбалась, а на лице ее знакомой застыла невозмутимо-кислая мина убежденного стоика.

– Ты же помнишь Селесту, милый? Мы с ней работали в экспедиции по изучению культуры тлингитов[30 - Тлингиты (тж. тлинкиты) – индейский народ, проживающий на юго-востоке Аляски и прилегающих частях Канады.] на Аляске в 86-м. Ее муж – Руди Ханна. Ну – Руди Ханна! Ведущий специалист в области трудотерапии государственных школ Северного Терстона [31 - Терстон – округ штата Вашингтон.].

– Да, разумеется, – сказал Дон, не вспомнив абсолютно ничего, хотя и звучало это весьма достоверно.

Еще один пример белой страницы в его памяти. В его возрасте, когда ему уже положено быть погребенным в пирамиде, окружающие списывали его провалы в памяти на начинающуюся деменцию; но дело было не в этом – еще когда до старости было далеко, студентки умилялись его манере заикаться и мямлить, пытаясь воспроизвести элементарный факт или цитату, его постоянной небрежности в вопросах личной гигиены или привычке терять свои очки и записи. Даже в его лучшие годы, в бытность удалым геологом, покорителем пещер, все эти вещи заставляли его друзей и коллег понервничать. Когда-то нервничал из-за этого и сам Дон, но он научился приспосабливаться. Другого выбора у него не оставалось, иначе можно было сойти с ума.

Что касалось этой нынешней смутно знакомой Селесты, он решил не напрягаться. Его жена была популярной личностью, от Вашингтона до Пекина у нее имелось бессчетное количество коллег.

– Приветствую, э-э, Селеста. Рад видеть.

Он поднялся и чмокнул ее руку, исподтишка бросив взгляд в окно. Мистер Галстук-бабочка и его пышноволосая супруга усаживались в «студебеккер». Когда он поднял глаза, на лице Мишель читалось плохо скрытое раздражение, а Селеста улыбнулась ей откровенно фальшивой улыбкой, пустой данью приличиям. Мы обе знаем, что твой муж осёл. С равным успехом она могла бы просто закатить глаза. Дон производил такое впечатление на женщин. Как бы он ни старался излучать любезность и шарм, они неизбежно унюхивали его олуховатую суть: во всяком случае, к такому выводу он пришел. Существовали вещи и похуже. Мишель мирилась с его случайными приступами идиотии, а остальное было неважно.

– Я пригласила Селесту присоединиться к нам. Смотри, Селеста, вон за тем столиком есть лишний стул.

Прежде чем Дон успел открыть рот, чтобы озвучить, что он думает по этому поводу, они уже устроились и заказали новую бутылку вина. Слушая их щебет, Дон хотел было поинтересоваться, а где же Руди, но передумал. Трудно предугадать, в какую медвежью ловушку можешь угодить с подобным вопросом. Он бессмысленно улыбался, когда конус разговора разворачивался в его сторону, в остальное время его мысли были заняты другим.

В конце концов он поднялся и прошел к лестнице под предлогом размять затекшую спину. Он подозвал ближайшего официанта, высокого парня по имени Рой Ли, если верить табличке на его рубашке. Дон попросил передать его комплименты повару и упомянул, что менеджменту, возможно, будет небезынтересно узнать, что по парковке шныряет местная шпана.

Официант кивнул:

– Да, спасибо, сэр, я передам ваши слова начальнику смены, – он понизил голос, как бы придавая своим словам оттенок доверительной конфиденциальности: – Одна девушка недавно выгнала пару таких из женского туалета. Наверное, хотели разрисовать кабинки. Мы нечасто сталкиваемся с такими вещами. Судя по всему, это школьники развлекаются.

– Ничего себе! Вы, надеюсь, сообщили куда следует…

– Мы предпочитаем не тревожить гостей. К тому же Мари не успела толком их рассмотреть, так что и опознать их вряд ли сможет, – Рой выглядел смущенным. – Я думаю, они ее запугали. Она не хочет говорить об этом.

– Да вы что? – сказал Дон. – Какое свинство. Бедная девушка.

– Да, она сама не своя. Прошу прощения за резкость, но, если эти малолетние гады и в самом деле ей угрожали, я был бы не против намять им морды, – он хрустнул суставами.

– Понимаю, – сказал Дон. – Еще раз спасибо.

Рой стряхнул с себя негодование и вновь надел маску вежливой услужливости:

– Всегда пожалуйста, сэр.

По дороге домой он спросил Мишель:

– Что там Селеста говорила о Стамбуле?

Они выехали за пределы хорошо освещенных городских улиц и неслись теперь вдоль убегающих за горизонт лугов, перемежавшихся холмами и рощицами вековых деревьев. Дон не отрывал взгляда от дороги, опасаясь не заметить оленя. Пока они ужинали, небо заволокли облака, и за окнами было темно, как в шахте. Радио звучало так тихо, что его можно было с таким же успехом выключить совсем. Мишель с годами потеряла интерес к музыке, кроме разве что племенных напевов или отдельных образцов корейской придворной музыки бронзового века.

– О Стамбуле? А, она спросила, собрала ли я уже вещи. Она вечно затягивает все до последнего – прямо как ты.

– Нет, я не затягиваю. Так она тоже едет?

– Она ездит каждый год, дорогой, – лицо Мишель, обмякшее от выпитого вина, в свете приборной панели выглядело призрачно-зеленым. Ее язык слегка заплетался. – Зн-чит, я, Барбара, Линн…

– Линн Виктори? Ух ты. Она красотка что надо.

– М’лчать. Барбара, Линн и Юстина Френч. И Селеста. Женский клуб.

– Уверен, что будет весело, – Дон резко вывернул руль. В багажнике что-то перекатилось. Раздался внушительный бу-бум. – Наверняка это просто повод набраться и посмотреть порнушку – если твои друзья такие же, как мои.

У него было слабое представление о том, как проходили эти конгрессы. Каждый год они проводились в другом городе и другой стране – в прошлом году это был Глазго, в позапрошлом – Манитоба, а до этого Пекин; зачастую для этой цели избирались разные малоизвестные регионы государств-сателлитов, которые появлялись и исчезали, то отпочковываясь от бывших прародителей – Советского Союза, Африки, Югославии, то вновь растворяясь в их тени. Вечеринки на развалинах режимов, острила Мишель.

– Эт’ повод обсудить серьезную научную теорию и укр’пить социальные и професс’нальные связи. И, к твоему сведению, мы пьем винные шпритцеры и смотрим арт-хаус, – она усмехнулась, откинула голову назад, позволив гравитации болтать ее на сиденье, словно на вертушке в парке аттракционов.

– Кстати, один из официантов сказал мне, что в женском туалете отметились вандалы. Сильно ему досталось?

– Не-а.

– Ага, – сказал Дон. – А Рой уверял, что там хулиганила шпана.

– Кто т’кой Рой? – Речь стала еще бессвязней, когда она откинулась назад.

– Официант, с которым я разговаривал. Он сказал, что они разрисовали кабинки.

– Чт… а, это. Да ерунда. Какое-то граффити. Селеста была в легком шоке, но над такими вещами лучше просто посмеяться. Это называется тэггинг[32 - Тэггинг (англ. tagging) – вид граффити, представляющий собой быстрое нанесение подписи автора на какие либо поверхности, зачастую в общественных местах.]. У нас ведь тут есть и свои банды, чт’б ты знал.

– Главное, чтобы держались подальше от моей машины.

Она повернулась к нему:

– Они что-то сделали с машиной? – Глаза ее округлились, как у совы.

– Да пустяки. Все в порядке, – он рассмеялся и похлопал ее по руке, она кивнула и закрыла глаза.

Дон снова резко свернул. Когда он переключал передачу, в багажнике что-то снова бу-бумнуло. «Ну ладно», – пробормотал он и притормозил у обочины, в широкой седловине между двумя холмами. С левой стороны высился отвесный склон. Наверху, у снеговой границы, находился радиомаяк, пункт лесной охраны и обсерватория – кооперативная собственность трех университетов и нескольких богатых частных лиц. Они с Мишель однажды поднимались туда, из

обсерватории открывался вид на всю долину. Дон поднял ручник, включил аварийку и перегнулся через Мишель, чтобы достать из бардачка фонарик.

– А? Чт’ такое? – вскинулась она, схватив его за рукав.

– Ничего страшного, милая. Мне нужно кое-что проверить. Через минуту вернусь.

– Угу. Поосторожней там, – сказала она сонно.

– Слушаюсь.

Он сделал глубокий вдох, набираясь решимости, затем выбрался наружу. Ни одной машины на дороге. Воздух дохнул холодом и сыростью, а темнота, сгустившаяся вокруг хрупкого пузыря света от фар «файрбёрда» и фонарика в руке Дона, казалась безбрежной. Резкий сильный ветер, задувавший над невидимыми глазу лощинами и ручьями, шелестел кронами деревьев. Было слышно, как вдалеке трещат и рушатся на землю ветви, поддаваясь его напору.

Надвигается буря. Дон открыл багажник. Слабый луч фонарного света выхватил из темноты баллонный ключ, коробку фальшфейеров и рабочий пояс с отвертками и гаечными ключами. Нарушителем спокойствия оказался домкрат, он выскочил из крепления и перекатывался туда-сюда. Дон вздохнул и стал его закреплять, бросая беглые взгляды через плечо, чтобы убедиться, что из-за поворота не вылетает машина, – субботним вечером на шоссе и обычных дорогах не было недостатка в пьяных водителях.

Его гигантская тень растянулась на белом гравии и асфальте. Он чуть не задохнулся от ужаса, заметив чье-то лицо в зарослях кустарника, нависавших над канавой на самой кромке светового круга. Лицо было плоским и уродливым, словно вынырнувшим из кошмара, с жесткой линией черного рта и черными же глазами, глазами акулы, перекошенными самым невообразимым образом. Дон направил луч фонаря прямо на эту жуткую физиономию, и порыв сырого холодного бриза взметнул и разметал палую листву, обнажив скол большой сланцевой глыбы. Ее поверхность покрывали разноцветные кляксы окислов и грязи.

Боже всемогущий, а у старичка-то начинают сдавать нервы. Зря я так переволновался из-за этих хулиганов. Он предпочел объяснить свою минутную

панику рациональными соображениями: последствиями переживаний за любимую машину, а также осознанием факта, что его лучшие годы остались далеко позади и что они с Мишель беззащитны даже перед обычными буйными подростками с дурными намерениями.

И все-таки треск ветвей, завывания ветра, абсолютная непроницаемость тьмы пугали его и действовали угнетающе. Никтофобия?[33 - Никтофобия – паническая боязнь темноты.] в начальной стадии, как он продиагностировал себя, проверив симптомы по Интернету. В отличие от своей дорогой жены, он больше не годился для полевых экспедиций, по крайней мере после заката солнца. Даже перспектива провести ночь в палатке в близлежащем парке пугала его. Под конец своей карьеры он уже не покидал безопасных границ офиса и лаборатории, а его редкие поездки заканчивались в течение дня. Дальние научные экспедиции, которые он любил в юности, с годами вызывали у него только тревогу, он терпел их от случая к случаю как неизбежное зло. Жизнь за городом нравилась ему постольку-поскольку; главное, чтобы с наступлением ночи он всегда мог щелкнуть выключателем и рассеять тьму.

Дон перевел взгляд на щель между крышкой багажника и задним стеклом машины. Он мог видеть часть салона, слабо освещаемого панелью радиоприемника. Мишель развернулась на сиденье и пыталась рассмотреть, чем он занимается. Он видел только ее силуэт, лицо оставалось неразличимым. Ветер снова принялся терзать деревья, стучали обломки веток, вдоль дороги закрутился столб пыли. С облегчением захлопнув багажник, Дон поспешно вернулся в машину.

– Теперь все в порядке, – объявил он, пристегиваясь.

Мишель не ответила. Она глубоко спала, обмякнув в кресле; из уголка губ тянулась ниточка слюны. Дон отер ее рот рукавом, недоумевая, каким образом минуту назад он был так уверен, что она на него смотрит, и так ошибся. У него явно начинается размягчение мозга.

Он выехал на дорогу. Бу-бум! – донеслось из багажника.

– Вот ведь зараза, – сказал он и нажал на педаль акселератора.

3

С наступлением рассвета небо еще сильнее нахмурилось, но буря так и не разразилась. По радио сказали: будьте наготове, ребята, это только вопрос времени.

Дом четы Мельников располагался в нескольких километрах от столицы штата, в буколической низине Уэдделл-Вэлли, которая врезалась неглубокой дугой в гущу лесов, покрывающих холмы Блэк-Хиллз. Изрытая выбоинами асфальтовая дорога петляла вдоль тихих ферм, где лошади и коровы лениво щипали траву на тех немногочисленных лугах и пастбищах, которые еще не отступили под напором дикой природы. В 1963-м Мишель унаследовала резиденцию в Олимпии от тетушек Ивонны и Гретхен, которые, овдовев в Первую мировую войну, переехали в Нью-Гемпшир, чтобы провести остаток жизни с родственниками из восточной ветви семейства Моков. Дамы завещали Мишель большую часть своей собственности, приобретенной почти за столетие, и Мельникам еще предстояло поменять старинную мебель, разобрать картины и мелкие безделушки, не говоря уже о том, чтобы перерыть все сокровища на чердаке, во флигеле и в огромном подвале, похожем на лабиринт.

Дом представлял собой бело-желтое строение с каменной печной трубой, прилепившейся сбоку, и двумя крупными надстройками (одной из которых была увитая плющом кирпичная башня – дополнительный этаж). Дом стоял на холме, к которому вела грунтовая дорога, а окна Мельников по ночам оставались единственным источником света на много миль вокруг. На заднем дворе возле амбара, который Дон перекрасил и использовал как гараж и мастерскую, высилась пара магнолий. Это были гигантские деревья, покрытые большими мшистыми наростами и толстым чешуйчатым слоем коры, похожей на окаменевшую шкуру крокодила.

В детстве Курт сводил Дона с ума, забираясь на самые верхние ветви и раскачиваясь там в подражание своему кумиру Тарзану. Тогда он только что открыл для себя Эдгара Райса Берроуза и Роберта И. Говарда, и на несколько месяцев их жизнь превратилась в настоящий кошмар. Курт прекратил свою воздушную гимнастику, только когда Дон пообещал срубить все деревья и сделать из них обеденный гарнитур. По сравнению со своей милейшей сестричкой Курт был – и по сей день оставался – сплошной головной болью. Мишель фыркала и качала головой, слушая, как Дон превозносит Холли, словно

небесного ангела. Мечтай-мечтай, приятель, она дитя своей матери, приговаривала Мишель, загадочно заламывая бровь, на секунду выныривая из завалов изъеденных червями бумаг, экспедиционных журналов, покрытых пятнами крови, и машинописных отчетов, высившихся стопками высотой жирафу по колено в ее кабинете. Комнате под названием «вход категорически воспрещен».

Старый дом служил Мельникам летней дачей вплоть до недавнего времени: девять месяцев назад Дон наконец согласился продать их резиденцию в Сан-Франциско, где они жили и работали на протяжении 70-х, проводя там две трети времени, и который идеально подходил в качестве отправной точки для международных путешествий Мишель. Дон безоговорочно предпочитал их сан-францискскую гасиенду – небольшой, светлый и приветливый дом в испанском колониальном стиле, но жена еще давным-давно настояла на том, чтобы на лето перебираться в Вашингтон, – детям нужен был свежий воздух и хотя бы минимальное знакомство с природой.

Разумеется, когда в восьмидесятые дети разъехались по колледжам, а Дон и Мишель получили прекрасные предложения от вашингтонских исследовательских и образовательных учреждений, им пришлось разрываться на две практически равные части между Сан-Франциско и скромной Олимпией с одинаковым количеством друзей и коллег на каждой чаше весов. По этой причине Мельники не могли полностью осесть ни в одном из двух мест обитания – пребывая как бы в бесконечной командировке и переезжая туда-сюда, словно из одного хорошо обжитого отеля в другой.

После того как вопрос с их выходом на пенсию был наконец решен, переезд начал казаться правильным и разумным. Стоимость жизни в Вашингтоне намного ниже, а загородная обстановка куда более безмятежная по сравнению с Сан-Франциско. Вдобавок Мишель вознамерилась изучить свое генеалогическое древо, а старый дом был буквально забит книгами и документами, самый древний из которых был ровесником времен поспешного исхода гугенотов из Европы, хотя корни рода Моков простирались и того глубже.

Дон провел немало приятных послеполуденных часов, удобно расположившись на подвесной скамье со стаканом лимонада в руке и обмахиваясь каким-нибудь серьезным естественно-научным трудом, наблюдая за снующими по деревьям белками и изредка проезжавшими по шоссе машинами. Участок, как и большинство земель в Уэдделл-Вэлли, изначально находился в собственности

помещика, голландца по происхождению, который продал его Ивонне Мок в 1902 году. Одному богу ведомо, когда был построен дом (он подвергался реконструкции дважды), но, по слухам, фундамент был заложен в 1853-м, что делало здание одним из старейших исторических жилых объектов в Олимпии. Можно было только гадать, что повидали на своем веку эти стены. Окружало резиденцию поле в форме неправильного четырехугольника площадью в несколько сотен метров, обнесенное проржавевшим проволочным ограждением. Окрестности поросли травой, дикими цветами и молодыми березками. По краям высились поросшие лесами холмы. Черный лабрадор Дона по имени Туле обожал гонять кроликов из одного конца участка в другой.

Ближайшими их соседями были Герцы – светловолосое румянощекое семейство. Светловолосая жена; трое или четверо светловолосых пухлых мальчуганов; две светловолосые девочки, старшая из которых ходила в среднюю школу; они походили друг на друга как выводок гусят. Только папа Герц с его суровым загорелым лицом и пронзительными исландскими глазами больше напоминал ожившего героя диснеевских мультфильмов. Дитрих был владельцем полуразорившейся молочной фермы и продал уже около половины своей земли, доставшейся ему в наследство от отца, фермера во втором поколении. Во владении Дитриха оставалось всего полдюжины коров и участок, где стоял его дом и коровник. Будучи парнем немногословным, при встречах с Мельниками он лишь приподнимал на ходу шляпу, приветствуя Дона, и огибал взглядом Мишель, предпочитая не признавать факта ее существования. Она смеялась и объясняла, что такое поведение типично для богобоязненных представителей соли земли, и Дону совершенно незачем ощетиниваться. Кроме того, создавалось впечатление, что Дитрих мог бы запросто поотрывать Дону руки: «Боже милосердный, ну и ручищи у него!» Только у автослесаря, каменщика или дояра могли быть такие руки.

По другую сторону, в полукилометре от них, находился район «Мисти Вилла». Эта зеленая зона начала застраиваться в 1969 году, селились здесь представители среднего класса, проживавшие в относительно новых домах с облицовкой из винила, искусственного кирпича и камня. Дон и Мишель некоторое время поддерживали знакомство с архитектором, который спроектировал модернизированный коттедж в дальнем конце одной из многочисленных замыкающихся в кольцо улиц зеленой зоны. Они посетили несколько барбекю и коктейльных вечеринок, обменивались рождественскими открытками. В начале девяностых архитектор переехал в Бразилию, нанятый какой-то корпорацией, которая занималась строительством небоскребов и дорогих отелей в странах третьего мира, обеспечивая комфортные условия для

работы и проживания в чистых, кондиционированных помещениях топ-менеджерам и предпринимателям, занятым организацией и консолидацией промышленности развивающихся государств. Звали архитектора Дэн, фамилия забылась. Другими знакомствами в округе Мельники обзавестись не успели; друзья их жили в основном в городских пределах Олимпии, Такомы, Сиэтла и во многих других городах континента. Они выбрали Уэдделл-Вэлли именно по этой причине – достаточно близко, чтобы быстро доехать до города, достаточно далеко, чтобы свести к минимуму случайные визиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24049608&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Пожалуйста (исп.).

2

Очень (исп.).

3

Да, сеньор (исп.).

4

Женщин (исп.).

5

Полиция (исп.).

6

Живо! (Исп.)

7

Друг (исп.).

8

Парни (исп.).

9

Серапе – традиционный мексиканский плащ-накидка.

10

Сукины дети (исп.).

11

Мужик (исп.).

12

Тупица, идиот (исп., сленг., бранн.).

13

Дом дьявола (исп.).

14

Восклицание, использующееся для выражения сильных чувств; черт побери! (Исп.)

15

Яйца (исп.).

16

Девушка (исп.).

17

Фрэнк Фразетта (Frank Frazetta) (1928–2010 гг.) – американский художник-фантаст, иллюстратор, мультипликатор, автор комиксов. Один из самых влиятельных художников жанра.

18

Иностранки (исп.).

19

Джон Уэйн (John Wayne) (1907–1979 гг.) – легендарный американский актер, сыгравший в 142 картинах, 83 из которых были вестернами.

20

Шлюхе (исп.).

21

Гэри Купер (Gary Cooper) – голливудский актер; его кинообраз ассоциируется с сильными, мужественными, героическими личностями, зачастую героями вестернов.

22

Энди Гриффит (Andy Griffith) – американский комик, автор и исполнитель песен, теле- и киноактер. В кино нередко исполнял характерные роли.

23

Да, сеньор (исп.).

24

Дурачок (исп.).

25

Восклицание, выражающее огорчение, разочарование, замешательство; о-хо-хо! (Исп.)

26

Пошли! (Искаж. исп.)

27

Приятель (исп.).

28

Шлюх (исп.).

29

Строка из песни «Season of the witch» («Время ведьм»).

30

Тлингиты (тж. тлинкиты) – индейский народ, проживающий на юго-востоке Аляски и прилегающих частях Канады.

31

Терстон – округ штата Вашингтон.

32

Тэггинг (англ. tagging) – вид граффити, представляющий собой быстрое нанесение подписи автора на какие либо поверхности, зачастую в общественных местах.

33

Никтофобия – паническая боязнь темноты.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lerd-barron/iniciaciya-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить